

რ

№7

Июль 2023

РУССКИЙ КЛУБ

სა

РОБЕРТ СТУРУА. Падший

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7 (213)
Июль 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ
- 10 НАСТАЛО ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 14 АКТРИСА
НИКА КВИЖИНАДЗЕ, ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
- 18 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 22 ОТКРОВЕНИЕ ОТ АГНЕС, ЖЕНЫ УИЛЛА
ЕКАТЕРИНА МИНАСЯН
- 26 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 «ВО ВСЕМ МНЕ ХОЧЕТСЯ ДОЙТИ ДО САМОЙ СУТИ...»
- 36 «ЗНАКОМСТВО С ГРУЗИЕЙ»
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 40 ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
АНДРЕЙ МАРУДЕНКО
- 46 ОЖИВШЕЕ ПРОШЛОЕ ТБИЛИСИ
ЕКАТЕРИНА МИНАСЯН
- 50 АРБИТР ОТ БОГА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ

На обложке – РОБЕРТ СТУРУА. Фото Юрия Мечитова

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

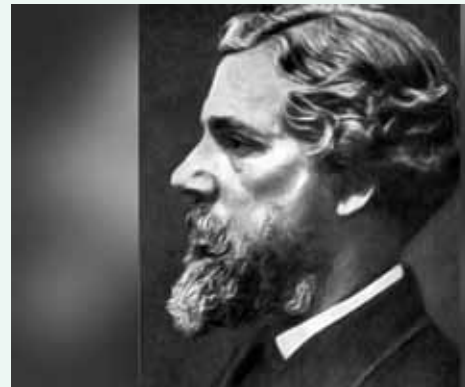
А ПИРОСКАФ БЫЛ РАНЬШЕ

На вопрос – кто изобрел пароход, любой школьник ответит, что это американский инженер Роберт Фултон в 1807 году. Его колесный «Клермонт», или, первоначально, «Пароход Северной реки», вышел в первое плавание жарким августом 1807 года. Он преодолел расстояние в 170 км от Нью-Йорка до города Олбани по реке Гудзон за каких-то 32 часа. Двумя годами позже Фултон запатентовал свое новшество. Но, говоря честно, пароходы далеко не сразу стали популярными – пассажирам, например, не нравился густой дым. А с товарными перевозками заказчики тоже не особенно торопились, ибо паровые машины часто ломались, а уголь в трюмах отсыревал. И чтобы не томиться посреди моря, капитаны еще долго держали на борту паруса: если вдруг случалась поломка, они доходили до берега с помощью ветра. Но дело было сделано – новое транспортное средство пробило себе путь в мир, а имя изобретателя парохода Роберта Фултона навеки попало в историю. Так вот, дорогие читатели, у пароходов были предшественники. Во Франции на реке Соме неподалеку от Лиона 15 июля

1783 года свое изобретение продемонстрировал маркиз Клод Франсуа Дороте де Жоффруа д'Аббан. Он был артиллерийским офицером и механиком-самоучкой. Этот талантливый человек купил 45-метровое судно водоизмещением 182 тонны, назвал его «Пироскаф» (от греческого пир – огонь и скафос – корабль) и оснастил горизонтальным паровым двигателем собственной конструкции, приводившим в движение два гребных колеса. На испытание собралось много народа, который восторженно завопил, когда чудо инженерной мысли аристократа-артиллера отчалило от пристани и, отчаянно дымя, бодро и уверенно двинулось против течения. Но буквально через триста пятьдесят метров испытание пришлось прервать – паровая машина так тряслась, что судно начало разваливаться на глазах. Это фиаско лишило Францию первенства в пароходостроении, ибо ни частные инвесторы, ни правительство так и не выделили на изобретение ни франка. Известно, что несчастному маркизу все же удалось расплатиться с долгами – смеем надеяться, не ценой продажи своего фамильного замка.

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ, ИЛИ ТАЛАНТЛИВЫЙ ВНУК

Если семья талантлива, то частенько талантливы не только все ее члены, но и потомки. Был в туманной Англии в XVIII веке выдающийся человек, занимавшийся изобретательством, механикой, биологией и даже музыкой, но прославившийся в веках как великий астроном, открывший в 1781 году далекую планету Уран с двумя ее спутниками с помощью изобретенного им самим огромного по тем временам телескопа. Звали его сэр Уильям Гершель. К слову, у него в ассистентах была его сестра Каролина, первая в Британии женщина-астроном. Сын Уильяма сэр Джон тоже был незаурядный человек – химик, математик, астроном и физик, а еще – один из изобретателей фотографии. Словом, он был полиматом, то есть универсальным мыслителем, чьи способности и деятельность не ограничены одной сферой знаний и их применения. А еще сэр Джон был популяризатором науки и прекрасным педагогом. Его сын Уильям, названный так в честь знаменитого деда, тоже попал в историю, но в совершенно другой отрасли – разработал новый криминалистический способ идентификации личности по отпечаткам пальцев, что сейчас является надежнейшим способом на протяжении уже полутора столетий. А началось все с курьеза. Молодым офицером Уилл отправил-

ся служить в Индию, где стал важным чиновником в британской колониальной администрации. Ему доверили ведение финансов. Начальство, видимо, почитало, что сыну математика можно поручить такой важный фронт работы. И тут потомок ученых столкнулся с неожиданной проблемой – индийцы, служившие в колониальных войсках, отчаянно жульничали с получением жалования. Они вовсе пользовались тем, что имена туземных солдат часто были одинаковыми, а внешностью они для европейцев были «на одно лицо» – и посылали своих внешне похожих родственников требовать якобы не полученную зарплату. Вывести их на чистую воду не удавалось ни одному белому сахибу. Чего только бедный потомок первооткрывателя планеты Уран не придумывал – от несмыслимых печатей на запястье подчиненных в день зарплаты до тщательного фиксирования всех особых примет (родинки, цвета глаз, роста и т.д.). Но тут у молодого Уильяма случилась занятная встреча с одним арабом, торговцем коврами. У него англичанин заметил книгу выплат со списками должников, где у каждого имени был отпечаток большого пальца. На вопрос любезного сахиба, торговец ответил, что, как и китайцы, индийцы мистически относятся к отпечаткам пальцев и таинственным линиям на них. Уилл решил исследовать эту теорию. Довольно быстро он выяснил, что у всех людей отпечатки являются абсолютно уникальными, а также вычитал в книге по анатомии термин «папиллярные узоры» и стал его использовать. В итоге, Гершель решительно ввел практику снятия отпечатков большого и указательного у всех получателей выплат. И, как по мановению волшебной палочки, аферы с жалованием прекратились. Уильям Гершель с годами доказал, что отпечатки не меняются на протяжении всей жизни, и даже написал фундаментальный труд по дактилоскопии The Origin of Fingerprinting, ставший настольной книгой для криминалистов всего мира. Теперь по отпечатку пальца включаются наши смартфоны и ноутбуки.

ОДНОЙ СТРОКОЙ:

– 95 лет со дня рождения Роберта Шекли

Выдающийся американский писатель-фантаст родился 16 июля 1928 года. Это был мастер коротких остроумных рассказов, написанных легко, воздушно, с неожиданной концовкой. Как он сам признавал, немногие научно-фантастические романы ему не особенно удавались – его считали последователем традиции писательства малой формы Марка Твена и О'Генри. Милейший человек, теплый, приятный в общении и совершенно лишенный «звездной болезни», в старости Шекли стал немного похож на мудрую морщинистую черепаху, и, когда ему об этом говорили, он улыбался и согласно кивал головой.

– 105 лет Ингмару Бергману

Великий мастер кинематографа, выдающийся шведский режиссер кино и театра родился 14 июля 1918 года. Зрители были поражены глубиной его необычных кинополотен, полных ярких образов – пустынный полуденный город, похоронная процессия с одиноким катафалком, запряженным черными конями, из снов профессора в «Земляничной поляне», или вернувшийся из крестового похода Рыцарь, играющий в шахматы со своей Смертью, из «Седьмой печати», и многие другие забываемые персонажи и картины. Фильмы Бергмана попали в вечность, их будут смотреть и в грядущих поколениях.

– 140 лет Францу Кафке

Печальный и мрачный уроженец прекрасной Праги прожил не очень счастливую и недолгую жизнь, оставив после себя новаторскую, необычайную, подчас экспрессионистскую прозу. Его называли поэтом отчаяния и абсурда. Как считают психоаналитики, Кафка был не очень здоровым человеком, слабым и ранимым. Но его литература оказала громадное влияние на творчество многих писателей прошлого и нашего веков. Сам Кафка, что удивительно, очень не хотел славы и даже поручил другу сжечь все рукописи после своей смерти. Спасибо, что друг его не послушался.

ВЕЛИКИЙ, ЖЕСТОКИЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ БЕЙБАРС I

Этот исторический персонаж настолько понятный и непротиворечивый, что в его характере исследователям нашего времени не удалось найти ни одной трещинки или слабого места. Он был очень цельным человеком – беспощадным правителем и свирепым завоевателем. В европейской традиции его считают злодеем, а в восточной – отважным воином и победителем. Впрочем, и кровавый Дракула на родине тоже считается героем, боровшимся с турецким владычеством. Имя нашего героя скрыто в веках, в историю этот египетский султан из мамлюкской династии Бахритов вошел под именем аль-Малик аз-Захир Рукн ад-дунийа ва-д-дин Бейбарс аль-Бундукдари ас-Салих. Сам себя он называл «повелителем львов и леопардов» – Бейбарсом. О его происхождении историки спорят, но сходятся в том, что Бейбарс был кипчаком и происходил из области Дешти-Кипчак. Он родился в 1223 году в племени, кочевавшем в причерноморских степях. В небольшом городе Старый Крым сохранилась мечеть Бейбарса, и многие считают его уроженцем Таврии. Известно точно, что он попал в рабство и был продан татарами на невольничьем рынке в возрасте 18 лет. Купивший его сириец отказался забирать юношу из-за небольшого бельма на глазу, но египетский командир, подбиравший подходящих рабов в мамлюки, взглядел в красивом сильном голубо-

глазом блондине что-то необычное и забрал его в Каир в войско невольников. Будущих воинов тренировали на острове Рода на Ниле, где Бейбарс с блеском проявил себя, став эмиром сначала пяти воинов, потом сорока, а к двадцати пяти годам – эмиром тысячи воинов. Он храбро воевал, показав талант военачальника, был

одним из двух храбрецов, сбившим с коня и пленившим французского короля-крестоносца Людовика Святого, которого потом вернули за выкуп в три корзины золота. А после Бейбарса, на свою беду, заметил египетский султан ас-Салих и сделал начальником своей стражи. И именно Бейбарс убил его своей саблей, когда мамлюки решили захватить власть в этой стране, основав свою династию храбрых, беспощадных и беспринципных воинов из невольников. Бейбарс командовал армиями и побеждал в сражениях Седьмого и Девятого крестовых походов, в битвах при Эль-Мансуре, Фарискуре, Айн-Джалуте, после чего получил почетное прозвище Абуль-Футух – Отец Победы. Мамлюкские султаны и друг друга резали беспощадно и отчаянно – Бейбарс принял участие в заговоре против султана Айбека, а после лично убил своего благодетеля Кутуза. И никого не осталось из достойных, кроме него. Так Бейбарс сам стал султаном. Он много воевал, сумел разгромить даже непобедимых тогда татаро-монголов, затем крестоносцев и персов. Пленных он не щадил и однажды на берегу Евфрата сложил пирамиду из отрезанных голов. А еще он благоустроивал города, строил мечети, водохранилища, мосты, дороги, каналы, судоверфи и крепости. Бейбарс правил 17 лет и превратил Египет в мощную, развитую державу. По легенде, погиб он, как позднее и римский папа Александр VI Борджиа, из-за своей неосторожности – решив на пиру отравить очередную жертву, Бейбарс по ошибке сам выпил бокал с ядом. Он был, конечно, великий правитель, и, как это бывает, абсолютный злодей. Если кому интересно, то писатель Морис Симашко написал о Бейбарсе великолепную повесть «Емшан», а кинодраматург и режиссер Ермек Турсунов – исторический роман «Мамлюк».

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

31 июля 2023 года исполняется 85 лет маэстро Роберту Стуруа – художественному руководителю Грузинского Национального театра им. Ш. Руставели, Народному артисту Грузии, Народному артисту СССР, Почетному гражданину Тбилиси, Почетному гражданину Батуми, лауреату Государственных премий Грузии, СССР, России, кавалеру ордена Чести, ордена Дружбы, лауреату множества международных и отечественных театральных премий, обладателю призов целого ряда отечественных и зарубежных театральных фестивалей и далее, и далее...

В ознаменование юбилея Союз «Русский клуб» издал книгу «Тайна Просперо. Роберт Стуруа и русский театр» (автор – Инна Безирганова), первый опыт систематизированного исследования спектаклей Стуруа, поставленных им на русской сцене – как в Грузии, так и в России.

А завершается эта уникальная театральная летопись поздравлениями с юбилеем и объяснениями мастеру в любви от его российских коллег и друзей.

Некоторыми из них мы с удовольствием делимся с нашими читателями.

Александр КАЛЯГИН
художественный руководи-
тель московского театра «Et
Cetera», председатель СТД
России

С Робертом Стуруа мы знакомы уже 23 года. Много пережито, много вместе сделано и много сказано... Наверное, ничего нового мне уже не сказать, никаких тайн в наших отношениях я не открою – по-разному, но все эти годы во всех моих высказываниях о Стуруа, в ироничной ли форме или вполне серьезно, звучало одно и то же: дорогой Робик, я тебе бесконечно благодарен и я тебя бесконечно люблю. И это так.

Я его называю режиссером-философом, мудрецом, который знает не только все тайны театра, он знает, как мне кажется, все тайны мира. Роберт фантастически образован, еще тогда, когда мы делали свою первую работу, я поражаюсь, как много он читает.

Я понимаю, что Стуруа – это академия, в которой учатся артисты театра. Его мышление формировало наше мышление, его взгляды на искусство определяли наши взгляды. Стуруа смотрел все спектакли, которые выходили в «Et Cetera», и его оценки для нас важнее всех остальных.

Роберт Стуруа – это исполин, но бесконечно обаятельный и трогательный. Им не только восхищаешься, но еще и искренне любишь.

Его духовная мощь все такая же. Общаясь с ним, я все время делаю важные для себя открытия, не только касающиеся нашей театральной жизни, но жизни вообще. Мне кажется, что на многие вещи мы смотрим одинаково, одинаково понимаем и чувствуем.

Я могу долго рассказывать о Стуруа, о чувстве юмора, о бесконечном терпении в работе с артистами. Он никогда не повышает голоса, даже в тех случа-

ях, когда другой режиссер, а я знаю таких, бросил бы в актера чем-нибудь тяжелым. И что самое важное, несмотря на свой юбилей, Роберт продолжает оставаться молодым, творчески молодым, готовым на театральное хулиганство.

Константин РАЙКИН
*художественный руководитель
Российского государственного
театра «Сатирикон» имени
Аркадия Райкина*

Роберт Стура поставил у нас в «Сатириконе» два спектакля: «Гамлет» У. Шекспира и «Синьор Тодеро хозяин» К. Гольдони. И я причисляю эти работы к самым прекрасным, счастливейшим моментам нашей театральной жизни.

С самого начала его любили абсолютно все, кто с ним соприкасался. На репетициях было постоянное ощущение каких-то драгоценных встреч. Потому что Роберт нас сразу обворожил своими обаянием, мудростью, талантом, своей совершенно удивительной личностью. Конечно, он бывал разным, и жестким тоже, его натура очень богата. Но все равно процесс репетиций и потом игра в его спектаклях были большим наслаждением.

Роберта я знаю как человека удивительного, он как целый огромный мир. Общение с такой личностью составляет богатство, драгоценность твоей судьбы. Потому что Стура – человек невероятного диапазона знаний, чувствований, интересов. Он читает всю современную литературу, знает все, что происходит в мире, он необыкновенно глубокий, образованный, умный, он философ – один из крупнейших людей, с которыми я в своей жизни встречался.

К репетициям Стура невозможно готовиться, потому что тебе никогда не придет в голову та подоплека, которую он предложит. Вот текст перед тобой,

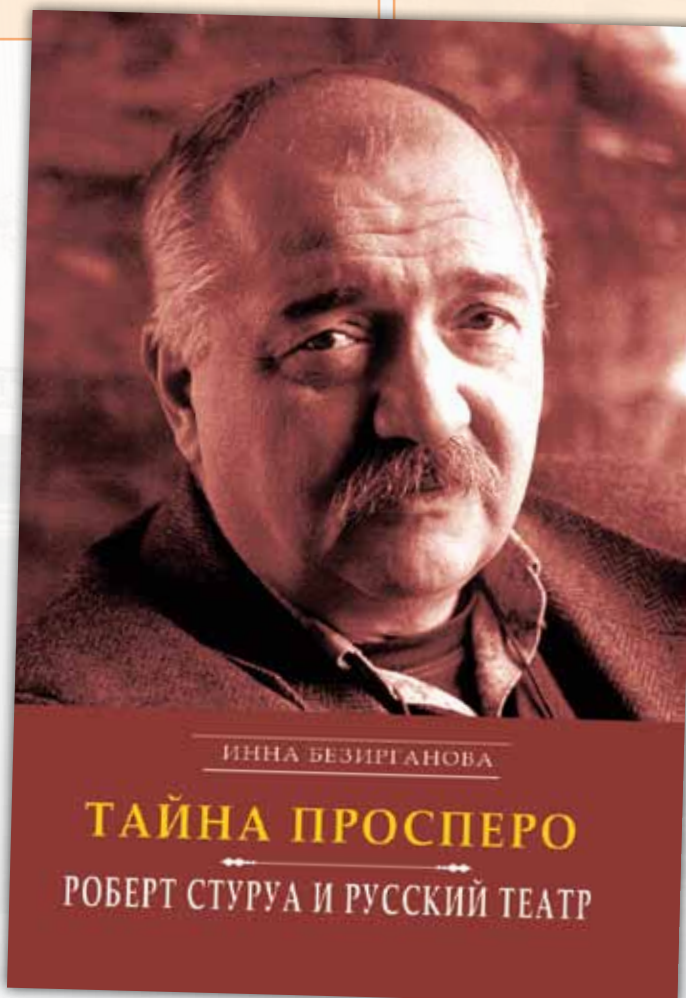
но по какому поводу эти слова будут сказаны и в связи с чем – это каждый раз было: «Боже мой!». Наша фантазия довольно стереотипна и выдает какой-то свой вариант, но этот вариант будет совершенно не годиться по сравнению с тем, что предложит Роберт. Вот в чем колоссальная сила режиссера Стура.

Роберт – человек, который умеет радоваться, с наслаждением заниматься делом театра. И я желаю Стура, чтобы у него было еще много радости, потому что он этого заслуживает. Счастья желать несерьезно. Человек такого ума и глубины, такой всеохватности жизни, так умеющий следить за всем, что происходит в мире, не может быть счастливым в буквальном смысле слова. Но Стура способен испытывать огромную радость от творчества, от каких-то творческих результатов, от успехов своих учеников, артистов. Вот этого я ему и желаю, потому что, как мне кажется, вообще самое главное в нашей жизни – радость от творчества.

Римас ТУМИНАС
режиссер, педагог

О великом Роберте. В давние 70-е годы – я еще был студентом ГИТИСа – в Москве проходили большие гастроли театра Руставели – и Стура меня покорило, убил. Своей торжественностью, театральностью, языком, простотой, силой, игривостью. Стура стал с тех пор моим кумиром – как и Анатолий Эфрос, и Джорджо Стрелер. Они самые светлые, интересные театральные художники XX-XXI веков. Стура велик и красив, как карнавал. Карнавал нашей жизни. Карнавал в мире театра. Сколько в нем жизни, сколько в нем ощущаешь театра! В Роберте самом – свобода, свобода! Он веру и свободу дарит, вот в чем смысл и сила.

Будем еще жить и друг друга любить. Я его горячо обнимаю – самого прекрасного, светлого человека, которого знаю.

Олег БАСИЛАШВИЛИ
актер Санкт-Петербургского
БДТ им. Г. Товстоногова

Когда я смотрю на его изображение, будь то фотография, или художественный портрет, или какая-то телевизионная запись, моя душа наполняется теплом и каким-то радостным предчувствием. Как магический кристалл, действует на меня присутствие Роберта Стураа даже на фотографии. Может быть, потому что он был учеником Михаила Туманишвили, а Туманишвили – Георгия Товстоногова, в театре которого я очень долго работаю, и работал вместе с Георгием Александровичем. Не знаю... В этом есть какая-то мистика – в том, как притягивает изображение этого человека.

Думаю, что спектакль Стураа «Кавказский меловой круг» – незабываемое зрелище не просто по внешней режиссуре, мастерской, интересной, разнообразной, завлекательной. Но и по поведению всех артистов, которые играли в этом спектакле. Неповторимый способ поведения актеров в спектакле «Кавказский меловой круг» я не забуду никогда. Я был раздавлен этим спектаклем, стал другим человеком. Не могу и не хочу объяснять, что и как во мне перевернулось. Просто факт остается фактом.

Еще один спектакль произвел на меня ошеломляющее впечатление – «Ревизор. Версия» на сцене московского «Et Cetera». Это полное хулиганство! Это было титанически смешно... В конце спектакля я был поднят каким-то ветром счастья, ворвался на сцену за закрытый занавес и стал целовать и Калягина, и Стураа. За то наслаждение, которое они мне дали сейчас, минуту тому назад, на сцене БДТ, где проходили гастролы «Et Cetera».

Празднуется его юбилей, и я хочу обратиться к юбиляру со словами приветия и поклясться в том, что все сказанное мной сегодня в его адрес, является поздравлением ему, объяснением в любви, пожеланием дальнейших удач, успеха, радости – ему и его близким. А близкими я называю не только его домашних, но и тех актеров, художников, рабочих сцены, гримеров, которые с ним работают.

Дмитрий КРЫМОВ
художник, режиссер, педагог

Когда я слышу имя Робика Стураа, у меня непроизвольно возникает улыбка. Улыбка любви, уважения и нежности. Вот думаю: любовь и уважение – понятно, это же целая эпоха в театре, замечательные спектакли, таланты... а откуда нежность? Ведь сильный мужчина, мощный режиссер, к тому же еще и грузин... Не знаю, может быть, от Михаила Ивановича Туманишвили перedalось? Редкая порода сильных людей – нежных. Еще и Робик... что-то детское. Удивительный человек. Будьте здоровы, дорогой Робик!

Ирина КУПЧЕНКО
актриса Московского театра им.
Е. Вахтангова

Когда Роберт Стураа появился в Москве со своим спектаклем «Ричард III», он произвел настоящий фурор, это была революция! Я была на этом спектакле в Малом театре и видела, как люди буквально «висели на люстрах», стояли на ступеньках... И с тех пор началась слава Стураа в Москве. Я не знаю, кто еще был более популярен и любим публи-

кой в эти годы. Он действительно гениальный режиссер.

Роберт Стураа обладает своеобразным, более глубоким, более мудрым взглядом на вещи. Грузины ведь художники в душе, у них яркая художественная натура. И один из самых уникальных художников, конечно, Роберт Стураа.

В нашем Вахтанговском театре он поставил в 1987 году спектакль «Брестский мир».

В процессе работы мы получили огромное удовольствие, для нас все было внове, так странно, так необычно. Совершенно другой, не классический подход к материалу. Этот спектакль долго шел, имел огромный успех и был понятен – и в России, и за рубежом.

И что бы он ни ставил – это Праздник Театра.

Дорогой Роберт, я хочу, чтобы ты знал: в нашей стране, в России, тебя помнят и любят. И желаю тебе многая лета радовать нас своим талантом!

Владимир СКВОРЦОВ
главный режиссер Московского
драматического театра «Чело-
век»

У великого режиссера Роберта Стураа – юбилей! Я лет с 12 очень хотел играть именно у Роберта Стураа. Режиссера, исследовавшего, казалось мне, всю мировую драматургию. И причем, в какой-нибудь шекспировской пьесе! И обязательно – главную роль! (Да, актеры в своих мечтах крайне нескромны). Театральные боги услышали меня, мои фантастические мечты исполнились! И это были целых три главные роли в постановках Стураа по Шекспиру! Я запомнил это время на всю жизнь. В последнем по времени московском спектакле Роберта Робертовича «Ревизор. Версия» Городничего репетировал другой артист. Но отчего-то он сошел с дистанции, и роль предложили

мне. А вот какая история случилась дальше. После «Ревизора» я не работал уже больше ни с кем в качестве театрального актера. Даже попыток не было. Планка оказалась слишком высока, и я не мог позволить себе идти бок о бок с кем-то, кроме режиссера Стуруа. Зато я стал серьезно заниматься режиссурой. И тоже во многом благодаря Роберту Стуруа, которого я называю моим Мастером. Дорогой мой, любимый Режиссер, Друг и Учитель! Я вспоминаю каждую нашу с вами беседу, каждую репетицию, каждый ваш спектакль, который я видел, сидя в зале, и в котором я принимал и принимаю участие. Ничего, кроме слов огромной, безграничной благодарности и уважения, я произнести не могу! Во многом именно вы повлияли на мои сегодняшние взгляды на Мир и Искусство. И на мое ощущение Театра. Живите и творите долго и счастливо!

Марина ДМИТРЕВСКАЯ
главный редактор и директор
«Петербургского театрального
журнала»

Сначала, в юности, мы просто учили имена «Стуруа и Чхеидзе, Чхеидзе и Стуруа» и читали книгу Михаила Туманишвили «Режиссер уходит из театра».

Потом был удар «Кавказским меловым кругом» и «Ричардом» – навсегда. И Роберт Стуруа встал на полку классиков и главных режиссеров жизни. Когда в десятках российских спектаклей замелькали черные плащи, зонтики, экспрессионистские гримы и всякие другие цитаты из него, растащенные другими режиссерами, – я поняла, что ударил он многих. Но всегда было понятно: «Не, ребята, все не то, у вашего зонтика нет и никогда не будет такой грации, такой энергии, и – главное – инет грузинских рук, чтобы их держать. И уж, конечно, нет Рамаза Чхиквадзе».

Чуть позже мы всегда ждали

ленинградских и петербургских гастролей в БДТ. Без грузинского театра было невозможно жить, он питал анемичных нас глагольной энергией, гортанной экспрессией, настоящей лирикой, музыкой великого Канчели. И имя этому театру было – Стуруа.

Короче, со спектаклями Роберта Стуруа прошла жизнь.

Великий опыт грузинского театра, когда Стуруа соединил темперамент грузинской сцены с европейско-брехтианской формой, а Чхеидзе как будто скрыл драматизм в рапидных ритмах, медленных мизансценах и глазах Мгалоблишвили и Мегвинетуцеси, – навсегда останется этапным, великим опытом мирового театра.

А еще, мне так кажется и хочется верить, Роберт Робертович никогда не врал своими спектаклями. Он ставил так, как ставил, и говорил так, как говорил. Великим не надо прикидываться. А он великий мастер настоящей театральной игры, трагического юмора, сценической свободы и вальяжной режиссерской неторопливости. Не зря мы в юности выучивали имена. Оно того стоило.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
литературный и театральный критик,
главный редактор журнала
«Иные берега»

Роберт Стуруа в шутку называет себя «внуком Товстоногова», потому что Михаил Иванович Туманишвили учился у этого великого режиссера, но также мог бы называть себя правнуком Станиславского и Вахтангова одновременно. Сегодня, задумываясь над проблемами театрального искусства, мы все чаще вспоминаем явление, носившее в былые времена название «театра большого стиля». Роберт Стуруа остался едва ли не единственным представителем этого великого направления.

«Кавказский меловой круг» и «Ричард III» по праву составили

золотой фонд не только грузинского, советского, но и мирового театра. Он смело сталкивал и сталкивает трагическое и комическое, не боясь резкости этих «ударов», не приглушая ни в одном, ни в другом открытых проявлений ярких эмоций, присущих грузинскому искусству.

Дорогой Роберт Робертович! С прекрасным юбилеем вас, мудрый, светлый, фантастически одаренный человек! Живите долго на радость вашим многочисленным поклонникам, разделенным границами и взглядами, но навсегда объединенным любовью к тому, что вы не проповедуете, а щедро дарите нам!

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ
ректор Российского института
театрального искусства – ГИТИС

Роберт Робертович Стуруа – большой мастер. Внешне и, так сказать, вне рабочего времени – мягкий, добродушный, домашний и теплый, он умеет разогреваться до точки кипения, наверняка умеет, но кипящим, бурлящим, мечущим громы и молнии я его никогда не видел. Только – мягким, негромким, с полуулыбкой. Немногословный. Даже загадочный. Контрастно по отношению к спектаклям, начиная с потрясшего много лет назад, показанного на сцене Большого театра оперного представления «Музыка для живых», перевернувшего все прежние представления о том, каким может быть или не может быть оперный спектакль, что можно выразить в театре метафорически, что такое в принципе метафора в театре... Стуруа и Канчели, конечно, многие годы шли и воспринимались неразрывно, дополняя и вдохновляя друг друга. Но таким же равными партнерами и собеседниками Роберта Робертовича были и Шекспир, и Брехт, и Беккет, и... Но Шекспир, конечно, в особенности. Роберт Стуруа – соратник Шекспира.

НАСТАЛО ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В Венеции проходит самый знаменитый и престижный архитектурный форум в мире – XVIII Международная архитектурная биеннале, в которой принимают участие более 60 стран.

Грузия представила свой национальный павильон – инсталляция грузинских архитекторов называется «Январь, февраль, март». В церемонии открытия приняли участие посол Грузии в Италии Константин Сургуладзе, кураторы проекта и представители министерства культуры, при финансовой поддержке которого и реализовался проект.

Тема нынешней биеннале, которая стартовала 20 мая на нескольких площадках Венеции и продлится до 26 ноября 2023 года, – «Лаборатория будущего» (The Laboratory of the Future). Как объявили президент Венецианской архитектурной биеннале Роберто Чикутто и ее куратор Лесли Локко, в этом году выставка фокусируется на Африканском континенте, его разнообразии и культурной уникальности – от ор-

ганизационных структур до индивидуальных навыков и привычек: «На антропологическом уровне мы все африканцы. И то, что происходит в Африке, происходит со всеми нами. Африка – это лаборатория будущего».

Цель биеннале – показать миру видение современного, разнообразного, инклюзивного общества. Современные архитекторы со всей планеты в который раз доказали, что архитекту-

ра способна изменить то, как мы воспринимаем мир, и это самый ценный дар этого вида искусства. По традиции, форум предлагает три основных направления: национальные павильоны, в которых каждая страна выбирает своих кураторов и проекты, международную выставку, которую курирует куратор биеннале, и остальные культурно-образовательные мероприятия. Кураторы национальных павильонов, являющихся физическими пространствами, где официально представлены страны, в отличие от тех, кто участвует в международной архитектурной выставке, не обязаны придерживаться темы, предложенной куратором биеннале.

В грузинском павильоне, организованном Тбилисской архитектурной биеннале, представлена инсталляция «Январь, февраль, март», которая креативным и отчасти философским образом исследует связь течения времени и энергии.

Это – углубленное исследование о влиянии водных ресурсов, в частности, Жинвальской гидроэлектростанции, расположенной в 40 километрах к северу от Тбилиси, на местную экосистему и населенные пункты. Водохранилище было создано

в 1984 году на реке Арагви для обеспечения столицы Грузии и ее окрестностей питьевой водой и электроэнергией. Площадь водохранилища – 11,5 квадратных километров, глубина – 75 метров, объем воды – 520 миллионов кубических метров. Однако эта история выходит далеко за рамки экономической ценности. Дело в том, что искусственно созданное Жинвальское водохранилище – это не только прелестное место для фото- и видеосъемок, но и далеко не маленький древний город, залитый водой. Согласно историческим источникам, долина Арагвского ущелья, которая сегодня скрыта под водой, уже в эпоху энеолита, в IV-III тысячелетиях до нашей эры, была населена людьми. Древний город Жинвали, в честь которого и назван водоем, возник в этих местах во второй половине XII века, во времена правления царицы Тамар, а при царе Георгии V Блистательном стал одним из крупнейших политических и торговых центров объединенной Грузии. Но в природную гармонию вмешалась рука человека: в начале 1980-х жителей Жинвали и других поселков, которым было суждено уйти под воду, расселили, а рядом с

водохранилищем возвели новый населенный пункт, который и назвали в честь затопленного древнего города. По утверждениям историков, под водой оказалось множество исторических памятников и святых мест. В частности, церковь Джвари Патиосани, датируемая XII веком. Как рассказывают авторы проекта «Январь, февраль, март», именно в эти месяцы, когда уровень воды в водохранилище падает, на водной поверхности сначала появляется большой крест, а затем и весь храм.

Но как же такое можно было допустить? – спросят многие. На самом деле, о том, что Жинвальскую ГЭС и водоем создали на месте одноименного крупного средневекового города, стало известно в 1971 году. Писали, что тогда в Арагвское ущелье сразу же была отправлена археологическая экспедиция, которая проделала колоссальную работу: на месте древнего поселения были обнаружены бесценные артефакты – обломки керамической посуды, терракотовые фигурки лошадей, амфориски, ювелирные украшения, старинное оружие и монеты времен царицы Тамары.

Однако ареал затопления был

Жинвальское водохранилище

Древнее поселение Жинвали

настолько велик, что ученым удалось исследовать лишь 40 процентов территории – под водой осталось огромное количество бронзового и железного оружия, изделий из золота и меди, городские ворота XII века, гробницы эллинистической эпохи и сотни так и оставшихся неоткрытыми, неизученными исторических памятников и артефактов.

С тех пор чудная бирюзовая гладь водохранилища Жинвали, прелесть окружающих его гор, неразгаданные тайны и бесценные сокровища, скрытые под толщей воды, привлекают сюда тысячи туристов со всего мира. В связи с таким серьезным историко-культурным бэкграундом, выставка грузинских архитекторов на Венецианской биеннале побуждает зрителей задуматься о сложных отношениях между человеком и природой и о том, что они часто могут привести к настоящей катастрофе.

Как отмечают эксперты, грузинская выставка подчеркивает безотлагательность перемен и необходимость включить воображение, которое поможет людям переосмыслить то, как мы травмируем природу с целью извлечь

Тинатин Гургенидзе , Гиги Шукакидзе, Ото Немсадзе

из этого выгоду.

Инсталляция «Январь, февраль, март», которая включает в себя физический арт-объект (главную инсталляцию), сборник статей экспертов на заданную тему и три фильма о живой и мертвой природе, выбрана по итогам конкурса, проведенного министерством культуры, на который было подано 17 заявок. Он создан авторским коллективом архитекторов – Гиги Шукакидзе, Ото Немсадзе и Тинатин Гургенидзе.

Гиги Шукакидзе – руководитель собственной архитектурной компании Wunderwerk, которая работает с широким кругом проектов в экспериментально-аналитическом направлении. Он также преподает в Свободном университете. Ото Немсадзе имеет степени магистра Технического университета Грузии и Института исследований жилищного строительства и городского развития Университета Эразма в Роттердаме. В своем докторском исследовании он фокусируется

на земельных конфликтах и влиянии собственности на развитие Тбилиси. Тинатин Гургенидзе – урбанист и куратор. Живет и работает в Тбилиси и Берлине. Она – автор нескольких публикаций и проектов о городских сообществах в Тбилиси и в различных городах Восточной Европы. Недавно основала альтернативный научно-педагогический проект «Общие территории».

За основу своего арт-объекта молодые грузинские специалисты взяли интерьер базилики Джвари Патиосани, а создали ее из прямоугольных строительных блоков, сделанных из шлама (осевшего материала речного ила), собранного с берегов Жинвальского водохранилища.

Кто мы, если не знаем своего прошлого? Какие мы художники, если не задумываемся о ценности нашего наследия для развития в будущем? Такие вопросы ставят грузинские участники Венецианского биеннале. «Наша цель, – заявляют они, – начать с далекого прошлого, а затем – размышлять о будущем, созданном на пересечении технологического прогресса, изменения климата, политической воли и традиционного общества с тем, чтобы увидеть истинную ценность «развития».

Основной арт-объект инсталляции

Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят,
что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Владимир МАЯКОВСКИЙ
1893-1930

130

АКТРИСА

Ника КВИЖИНАДЗЕ

■ **Заур КВИЖИНАДЗЕ**

Театр, как известно, начинается с вешалки, а в нашей семье он начался с бабушки по материнской линии Марии Павловны Семеновой. Она была хирургической медсестрой, но, при этом, прирожденной актрисой. После трудового дня эта красивая, хорошо сложенная миниатюрная женщина с мелкими чертами лица и сильным характером спешила на репетицию в местный драмкружок. Она в буквальном смысле «царила» на сценах самодеятельных на-

родных театров, сеть которых была разбросана в то время повсеместно – каждый город, село, каждое предприятие имело свой Дворец культуры, где любой желающий мог бесплатно реализовать свои творческие способности. За бабушкой потянулась мама, а за мамой – наша сестра Ира. Что касается нас, братьев, то мы, несмотря на то, что, разумеется, в театре души не чаяли, вели себя поскромнее и довольствовались ролями благодарных зрителей, хотя,

время от времени, все-таки вырывались на подмостки в эпизодических ролях или с отдельными номерами на концертах художественной самодеятельности. Только отец, руководитель крупных вагоноремонтных заводов, за которым мы колесили по всей стране (его, как крепкого хозяйственника, грамотного инженера и убежденного коммуниста часто переводили с места на место поднимать отстающие железнодорожные предприятия), не разделял на-

ших увлечений. Ему, к примеру, не нравилось возвращаться после работы в опустевший дом – мы все вечера просиживали на репетициях в местном учреждении культуры. Он недовольно ворчал, но всегда, как правило, с удовольствием приходил на наши премьеры. А еще он имел идеальный слух, замечательно пел и безумно любил кино.

Ира мечтала стать актрисой, но ей пришлось поступить в педагогический. Дело в том, что театрального вуза в городе, где жила тогда наша семья, не было, а отец категорически не захотел отпускать от себя дочь. Для девушки, влюбленной в театр, это была настоящая трагедия. Но Ира нашла в себе силы ее преодолеть, благо что учеба была связана с изучением любимых предметов – русского языка и литературы. Однако сразу после окончания института она все-таки настояла на своем и махнула в Тбилиси пробоваться на актрису!

И вот стоит она перед ректором Тбилисского театрального института Ильей Тавадзе и сверлит его требовательным взглядом: «Хочу у вас учиться!». А тот ей: «Милочка, вы опоздали ровно на год, когда у нас был прием в русскую группу!». А она ему: «Я могу начать учебу и со второго курса!». Ректор теряет дар речи от неслыханной дерзости, но против закона идти не решается – в то время выпускники гуманитарных вузов имели право быть зачисленными в театральный сразу на второй курс. К тому же, за Иру просит сама Верико Анджапаридзе (великая грузинская актриса поддерживала Иру по просьбе коллеги – актрисы театра им. Котэ Марджанишвили Бибилины Миминошвили, нашей тети, сестры отца). Тавадзе назначает комиссию. Болеть за Иру приходит ее друг – актер и режиссер Гоги Кавтарадзе. В комиссии – свет грузинского театрального искусства: Додо Алексидзе, Гиви Сарчимелидзе, Резо Мирцхулава. Ира волнуется, но она молодая, красивая, талантливая, она видит, как благосклонно относятся к ней экзаменаторы, и раскрепощается, смелеет. Она читает страстно, самозабвенно, читает за мужчину, за Нехлюдова – его

монолог из «Воскресения» Толстого: «Все дело в том, что люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет. С вещами можно обращаться без любви: можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо без любви; но с людьми нельзя обращаться без любви, так же, как нельзя обращаться с пчелами без осторожности. Таково свойство пчел. Если станешь обращаться с ними без осторожности, то им повредишь и себе. То же и с людьми. И это не может быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной закон жизни человеческой».

Почему она выбрала для экзамена именно этот монолог, именно эту тему? Потому что любовь к людям, любовь ко всему живому – главное, самое важное, что есть в нашей сестре. А значит, ей ничего не надо было играть, искусственно выдавливать из себя, ей надо было просто быть органичной. И комиссия с первых же слов монолога проникается этой правдой, этой искренностью. А потом в басне Крылова «Ворона и лисица» Ира раскрывает другую грань своего таланта – трагикомизм. Ее неожиданно громкое (как учила бабушка!) подкупающе-умилительное, напевное «Ворона каркнула во все воронье горло!» вызывает одобрительные улыбки. Но венцом ее триумфа на прослушивании становится актерский этюд про девушку, не встретившую любимого на перроне. Надо было видеть, с какой радостной надеждой, заглядывая в окна, она металась вдоль вагонов прибывающего поезда, и как надежда эта постепенно угасала по мере того, как перрон пустел, и зазевавшиеся приезжие случайно толкали локтями понуро бредущую к станции одинокую женскую фигуру. В эти мгновения Ира впервые почувствовала себя настоящей актрисой.

Так началась ее долгая театральная жизнь. И так уж получилось, что вся она была связана с ее родным Тбилисским государственным театральным институтом имени Шота Руставели, который она окончила с

Ирина Квижинадзе

отличием, и в котором впоследствии преподавала актерское мастерство, и Тбилиским русским драматическим театром имени Александра Грибоедова, на сцене которого сыграла более 120 ролей, став заслуженной артисткой Грузии и получив почетное звание Мастера Сцены. Ее преподавателями были видные деятели культуры Грузии – Михаил Туманишвили, Этери Гугушвили, Додо Алексидзе. Ее героини блистали в спектаклях режиссеров Темура Чхеидзе, Котэ Сурмава, Гиги Лордкипанидзе, Петра Фоменко, Александра Товстоногова, Гоги Кавтарадзе, Гизо Жордания, партнерами на сцене были театральные «звезды» Арчил Гомиашвили, Ариадна Шенгелая, Евгений Гинзбург, Наталья Бурмистрова, Ефим Байковский и другие. Но она никогда не кичилась ни своими заслугами, ни своим положением «примы» в театре, ни своими связями. Она почти не появлялась среди признанных «звезд», не считая себя таковой. Ее преследовали многочисленные поклонники, журналисты, телевизионщики – она, как правило, сторонилась их, редко соглашалась на интервью. Сотни восторженных рецензий усеивали ее творческий путь, но она не сохранила ни одной. Даже альбома с фотографиями из спектаклей у нее нет.

Да, такая она, наша сестра – равнодушная к славе, популярности, почету. Не помним ни одного юбилейного вечера в

**Поздравляем Ирину Владимировну Квижинадзе с юбилеем!
Живите долго и радостно, играйте много и успешно – на радость
всем нам, Вашим многочисленным верным друзьям и почитателям!**

театре, посвященного ей, – Ире казалась дикой ситуация, когда ее прилюдно возносят до небес, восхваляя ее таланты. Нет, ярмарка тщеславия точно не про нее. Больше всего в людях она ценит скромность, честность и преданность, терпеть не может лицемерие и фальшь, а понятие «справедливость» для нее имеет большой и глубокий смысл. Поэтому и в институте, и в театре в ней души не чаяли. Ира не любит рассказывать о себе, хотя прожила удивительную, насыщенную и яркую жизнь настоящей театральной «звезды». Она бы вспомнила, к примеру, как после сыгранной на третьем курсе первой ее главной роли – «странной миссис Сэвидж» – к ней подбежал восторженный Додо Алексидзе, схватил за руку и сказал: «Слушай, Квижинадзе, ты знаешь, какая будешь? Ты будешь гениальной актрисой!». Вспомнила бы, как обожал ее, свою лучшую ученицу, Михаил Туманишвили, присылая ей в дни рождения букеты цветов, и как у преподавателя сценической речи, народной артистки Грузии Екатерины Сатиной даже портилось настроение, когда Ира – ее самая старательная и прилежная ученица – отсутствовала в аудитории. Вспомнила бы, какие спектакли-праздники ставил с ее участием Гига Лордкипанидзе – это он доверил Ире роль Натальи, жены Пушкина, в спектакле «Шаги командора» по пьесе Вадима Коростылева, а потом при каждой встрече не переставал восхищаться ее утонченным мастерством. Вспомнила бы одну из лучших своих театральных работ – роль сумасшедшей Марго из «Закона вечности» Нодара Думбадзе: зал на премьерном спектакле был переполнен, и ее коллегам-актерам, пожелавшим хотя бы краешком глаза понаблюдать за «потрясающей» (по их оценке) игрой Иры, пришлось устраиваться за кулисами. Вспомнила бы свои роли Марии Стюарт, Екатерины Великой... Все они в разные годы также получали неизменно высокую оценку изысканной тбилисской публики. Между тем, наша сестра всегда была мастером «экстремальных актерских вводов» – это когда надо

Сцена из спектакля «Дядя Ваня». 2023

было срочно подменить ту или иную актрису из-за ее болезни или внезапного отъезда. В этом случае непременно звали Иру, которая обладала удивительной способностью входить в образ с одной репетиции.

Грибоедовский театр был и остается для Иры ее вторым родным домом. Лишь однажды она рассталась с ним, когда в трудные годы перестройки ей пришлось уехать в Москву на заработки. Скромность не позволила попроситься к Петру Фоменко, который к тому времени уже имел в столице свой театр и, не сомневаемся, принял бы нашу сестру с распростертыми объятиями. Но Ира об этом не жалеет, поскольку перед ней открылся тогда новый путь реализации своих творческих способностей – место преподавателя актерского мастерства и режиссера в детской школе искусств. Сестра проработала в ней десять лет. Перечень поставленных ею за эти годы спектаклей огромен, также велик список ее воспитанников. Многие из тех, кому она дала путевку в театральную жизнь, по сей день поддерживают связь – звонят и пишут ей, своей любимой учительнице, даже приезжают в гости. Ире

это только в радость – душевного тепла у нее хватает на всех. Опыт театрального педагога, режиссера и воспитателя молодых талантов пригодился ей в Тбилиси, когда она вернулась в родной театр, и Николай Свентицкий помог ей открыть при театре и «Русском клубе» детско-юношескую студию «Золотое крыльцо». Талантливые дети получили возможность выходить на профессиональную сцену, многие из них стали профессиональными актерами.

Годы тяжелым грузом ложатся на плечи, но наша сестра не робеет. Она все так же энергична, инициативна, ее творческий пыл не угас. Зритель часто видит свою любимую актрису на сцене. А еще у Иры появился свой профессиональный театр, в котором она собрала лучших своих воспитанников. Он так и называется – «Театр Ираиды Квижинадзе». И недавно там состоялась очередная премьера – «Братья Карамазовы» по Достоевскому. Ира сама написала инсценировку. Было много цветов, аплодисментов. Благодарная публика долго не отпускала актеров. И нашу сестру. Разве она этого не заслужила?

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

В следующую квартиру Чипо не пошел со мной. Сказал, что поздно, и ему пора домой. Помоему, он просто стыдился своих слез. Впрочем, час был поздний, и мы расстались. Квартира, которую я решил посетить напоследок, располагалась рядом с нашей.

Кв. № 9. Картли

В ней жила моя одноклассница Эка Гамрекели. Ее отец – дядя Гизо, был наслышан о моей переписке и потому без долгих предисловий приступил к делу.

– У нас с тобой, дорогой Гия, только сорок минут. Вернее, целых сорок минут. Это почти академический час! Поверь, мой хороший, я уважаю твоих родителей и очень люблю тебя, но чудовищно не хватает времени. Итак, Картли, информация к размышлению. Записывай... Надеюсь, ты понимаешь, что всю ее не описать и в толстой книге. Из частности целое. По методу Кювье, который, как известно, мог по косточке восстановить скелет, – он плюхнулся в мягкое кресло

и закинул ногу за ногу. На нем была атласная домашняя куртка с кисточками, простроченная вензелями. – В самом слове ты слышишь, что это сердце Грузии – Картли, ее корень. По-нашему, Грузия – Сакартвело. И местоположение ее срединное, соединяющее два крыла – восток и запад. Потому-то и столица единого грузинского государства всегда была в Картли – в древности в Мцхета, а с пятого века в Тбилиси... Но я из тех редких грузин, коих больше интересует наше будущее, а не прошлое. Известно ли тебе, что Картли – наиболее промышленно развитая часть Грузии? Тут и первые в Закавказье гидроэлектростанции – ЗаГЭС и ХрамГЭС, и электровозостроительный и авиационный заводы в Тбилиси, химические и металлургические гиганты в Рустави, и комбинат по обогащению медной руды в Маднеули. В последние годы в окрестностях столицы обнаружены перспективные месторождения нефти. Добавь сюда сложную вычислительную технику и электронику, и ты убедишься, что если Грузия шагает в ногу с веком, это главным образом, за счет Картли. И слава Богу! Нельзя жить только прошлым, как наши женщины, носящие вечный траур. Жизнь продолжается, – он

выглянул из кабинета и бросил: – Кетино, чаю! Только, пожалуйста, не крепкого...

Однако, чай принесла не тетя Кетино, а Эка. Поставив чашки, она незаметно пнула меня коленкой и, фыркнув, бросилась из комнаты.

– Что с тобой, дочка? – недовольно спросил ее отец.

Эка глянула на меня смеющимися глазами:

– Очень уж Гия заважничал со своей перепиской!

– Тебе просто завидно, – заметил дядя Гизо. – Ступай, – и, отхлебнув несколько глотков, вернулся к своему рассказу. – Описывать деревеньки в горах Триалети, половодье на притоках Куры, смывающее старые мельницы и мосты, или буйволов в старицах – мы ни к чему не придем. Перечислять исторические памятники – никогда не кончим. Одна Мцхета чего стоит: руины античности, языческий Армази, мост Помпея, некрополь питахшей, Багинети, Калосубани, крепость Бебрисцихе, Севсамора, Сагурамо, Зедазени, храм Самтавро, своя Гефсимания, наконец, где молилась святая Нина! Каково? И все это на нескольких квадратных километрах. А ведь я не назвал главного – Джвари и Светицховели! – дядя Гизо отста-

вил чашку с блюдцем и откинулся в кресле. – Как тебе известно, я инженер-железнодорожник, – сказал он. – И не из последних. И у меня своя – инженерская точка зрения. Я предпочел бы рассказать о наших технических достижениях.

– Но разве техника может быть картлийской? – возразил я.

– Разумеется – нет! – охотно подхватил дядя Гизо. – Больше того, она не может быть даже грузинской, русской или французской. Но проявить себя на нашей территории она может. И таким образом сделаться даже символом этой земли. Как Эйфелева башня. Или Бруклинский мост... В нашем случае речь пойдет о Сурамском тоннеле. Может быть, он и не так знаменит, но зато постарше.

Дядя Гизо зачем-то развернул на столе карту Грузии и не спеша продолжал.

– Знаешь ли ты, что сто двадцать лет назад железная дорога связала Восточную Грузию с Западной? Поезда пошли от Тбилиси до Поти. Все бы хорошо, если бы не Лихский хребет на пути. Вроде и невысокий, а не перескочишь. По два паровоза цепляли в голову и в хвост махонького, трехвагонного состава и кое-как, пыхтя, по временным колеям, одолевали перевал. Поезд полз в гору так медленно, что пассажиры успевали нарвать цветов у дороги и опять заскочить на подножку. Тбилисские остряки в ту пору придумали такой анекдот: контролер задержал в вагоне бородатого мужчину с детским билетом, а когда предложил уплатить штраф, мужчина заартачился: дескать, из Поти я выехал мальчиком, потому и билет детский...

Между тем железная дорога росла в оба конца и скоро растянулась от Баку до Батума. Количество поездов и пассажиров с каждым годом увеличивалось, и Сурамский перевал, можно сказать, парализовал движение. Было решено прорыть тоннель сквозь Лихские горы – по тем временам затея грандиозная... И что же? За три года с небольшим тоннель был прорыт. Да с таким размахом, что потом без труда пропустил вторую колею. Больше ста лет он служит людям и нуждается в ремонте куда реже, чем десятки маленьких тоннелей, проложенных на Закавказской дороге за годы ударных строек.

Вот так-то.

С прокладкой Сурамского тоннеля связана легенда, родившаяся уже в наши дни. Рассказывают, что руководивший работами инженер очень нервничал в ожидании той минуты, когда сойдутся штольни. Тоннель рыли с двух концов, и проходчики двигались сквозь гору навстречу друг другу. Их встреча называется сбойкой. Так вот – ко дню сбойки съехалось множество гостей. Все было готово к торжествам, но условленный сигнал из тоннеля все не раздавался. Якобы, тогда виновник неудавшегося торжества извинился перед гостями, прошел в свой рабочий кабинет и застрелился. И почти тут же, словно эхо, прогремел выстрел с места работ, – штольники разошлись... Слышал такую легенду? – спросил дядя Гизо.

Я кивнул.

– Конечно. А разве он не застрелился?

Дядя Гизо покровительственно улыбнулся.

– Точность сбойки при проходке Сурамского тоннеля была необычайно высокой. Отклонение составило меньше тринадцати сантиметров по горизонтали и чуть больше четырех сантиметров по вертикали! И это при протяженности в четыре километра. Так что руководителю работ незачем было стреляться. А легенда возникла из-за обелиска у западного портала. Его считают памятником нетерпеливому строителю, тогда как на самом деле обелиск возведен в честь посещения императором Александром III грандиозной стройки минувшего века... Боюсь, что это

Бебрисцихе

последний пример высокого мастерства. Того мастерства, с каким выдолблена в скале Вардзия и возведены наши храмы.

Дядя Гизо умолк, задумавшись о своем. Потом сокрушенно покачал головой и проговорил с досадой:

– Куда, в какую прорву канули совесть и старательность умельцев? Где нынешние мастера, спрашиваю я тебя?!

Я не знал, как ответить на такой вопрос. Мне оставалось только покачать плечами.

– А история с Боржомскими лесами! Ты слышал?

Я покачал головой.

– Ну как же! Сами себе создаем трудности... Там разгулялись какие-то птахи и против них завезли белок из Сибири – они поедают птичьи яйца. Но вместе с белками прибыл какой-то вреднейший жучок. В Сибири на морозе ему не до личной жизни, а у нас как пошел размножаться! Размножается и деревья точит, в труху обращает корабельные сосны. Прямо нашествие! Против того жучка вот уже лет тридцать воюют. Научно-исследовательский институт создан, базы в лесах. Миллионы расходуются, а проку мало... Вот что значит нарушить экологическое равновесие... Скажешь, это все не про Картли? А я считаю, что про нас.

Дядя Гизо встал и протянул мне руку.

– Еще бы рассказал, Гия, да время твое вышло, – он показал на часы. – Спать пора, и Эка вон давно легла. Спокойной ночи!

На следующий день после

Сурамский тоннель

школы Чипо сам увязался за мной. Пока дошли до нашего дома, между нами произошел такой разговор:

– У тебя карта с собой? – спросил Чипо.

– Какая карта? – не понял я.

– В которой твой отец соседней пронумеровал.

– С собой.

– Глянь, есть в вашем доме рачинцы?

Я развернул листок с отцовским планом.

– Есть. А что?

– В какой квартире живут?

– В семнадцатой.

Он помолчал, пнул подвернувшийся камешек, побежал было за ним, но остановился и сказал небрежно:

– Знаешь, как они вкусно готовят?

– Кто? – не понял я.

– Что это ты сегодня какой-то тупой. Да рачинцы эти. Все шеф-повара в лучших ресторанах – рачинцы. На всемирных выставках в Брюсселе, в Монреале – да везде! – Он выжидающе посмотрел на меня и проглотил слюну. – Когда разных знаменитостей со всего света к нам привозят, они от чего балдеют? Думаешь от пейзажей наших? От церквей?!

Я никак не мог понять, куда Чипо клонит, а он все больше распался.

– Да ни в жизнь – знаменитости и не то видели. Они от жратвы балдеют! Которую готовят рачинцы, понял?

– Ну и чего?

Чипо поискал глазами отфутболенный камешек, не нашел, посмотрел мне в глаза и улыбнулся виновато и хитро.

– Давай сегодня с них начнем. Очень кушать хочется...

Кв. №17. Рачинцы

Нас и впрямь первым делом усадили за стол и стали потче-

вать. А хозяева – Спиридон и Сидония Бабуадзе, крепенькие, сбитые старики, подпершись, сели против нас: на их добрых широких лицах играла довольная улыбка.

Занятые кулинарными хлопотами, они долго не могли понять – зачем мы пришли. И, слушая наши объяснения, переглядывались.

– Ты, мальчишечка, дорогушечка, хорошечка, не волнуйся, а кушай спокойно и жуй как следует. Не спеши, милоч. Мы перед тобой сидим и никуда не сбежим, даже если погонишь. И про все, что вам интересно, расскажем. Да гостинцев с собою дадим. Верно, Спиридоша?

– Верно, Сидония, дорогая, такие мальчишечки славные к нам пожаловали, как уж тут не расстараться. Пока я потчую, ты для них пеламуши в котле на плиту поставь. Через часок, глядишь сварится, да еще через три остынет на холодке. Любите, мальчишечки, пеламуши из нового сула?

– Любим, – сказал я. – Только, дедушка Спиридон, у нас времени нету четыре часа ждать.

– А куда ж вы спешите, хорошенькие мои? Такие мальчишечки славненькие, зелененькие еще, а уже спешите. Разве ж это годится сызмальства бегом бегать?

– Помолчи, женщина! – вмешался дядя Спиридон. – У людей дело важное, срочное. Пусть еще разок растолкуют. А ты платок с головы сними и слушай, чтоб лучше понять.

– Я и в платке хорошо пойму, – обиделась тетя Сидония.

Я еще раз объяснил цель прихода: попросил рассказать что-нибудь интересное о Раче. Сказал даже, зачем мне это нужно.

Они выслушали внимательно. Задумались. Минуты через две

тетя Сидония спрашивает:

– Понял, что ли, человеке?

Дядя Спиридон помолчал, поскреб в затылке. Сходил в куток, где у них была устроена кухонька, принес глиняный горшочек под крышкой, поставил на стол и снял крышку. Из горшочка запахло так, что мы чуть слюной не захлебнулись.

– Как не понять...

Мы умяли почти половину подложенной порции, когда он продолжил.

– Хотят, чтоб мы нашу Рачу описали.

Еще через некоторое время он добавил:

– Что там у нас да как в родных местах...

А когда мы вымакивали остатки пахучего соуса, закончил:

– Только если б я мог тамашнюю красоту словами описать, я бы сейчас не с вами сидел, а на горе Давида, между Ильей и Акакием покоился бы...

– Господи, помилуй! – тетя Сидония перекрестилась. – Типун тебе на язык!.. Так расскажи, что ли, мальчишечкам. Ты у нас ба лагур известный...

– А что рассказывать? – спросил дядя Спиридон и призадумался. – Как плоты по Лухунии сплавляем? – он поглядел на нас. – Или как Риони в половодье беснуется?

– Не знаю, – тетя Сидония ласково заулыбалась нам. – Что мальчишечкам любо, про то и расскажи. Не обижай ребятушек. Они-то нас уважили, видишь, как все хорошо скушали...

К этому времени Чипо уже утолил голод и стал проявлять нетерпение. Пока Спиридон и Сидония обсуждали, что нам рассказать, он покосился на меня, пнул коленкой и спросил:

– Дядя Спиридон, а правду говорят, что один рачинец умудрился под арбу угодить?

Спиридон поглядел на него и с улыбкой покачал головой.

– Нет, милоч. Это шутка такая. Анекдот называется. Чтобы нашу медлительность обсмеять. Дескать, степенные мы не в меру. Что – арба. Мой сынок после армии пуще рассказывал. – Он помолчал, переглядываясь с женой и посмеиваясь в густые усы. – Помнишь, Сидония? Якобы, их там с самолета выбрасывали на парашютах. Обучение такое, для военных... Командиры сказали: как из самолета выпрыгните, считайте до десяти и дергайте вот

за это кольцо – парашют и от-
кроется. – Дядя Спиридон опять
умолк и не скоро продолжил.
– Доходит очередь до нашего
рачинца. Выпрыгнул он и счита-
ет по-нашенски, не спеша: «Это,
значит, вы мои хорошие – один...
После одного, вы мои хорошие,
стало быть, будет два... Ну, а по-
сле двух, ясное дело, вы мои хо-
рошие, уже и три подступает...» И
пока он так на рачинский лад счи-
тал, плюхнулся бедняга в болото.
Слава богу, повезло солдатику,
болото оказалось хорошее, не
топкое. Вылез, тину с лица стирает
и говорит: «А теперь, стало быть,
вы мои хорошие, уже шесть...»
– Бухути, довольный, засмеялся
низким, горловым смехом, точ-
но голубь заворковал. – Вот ведь
что люди веселые придумывают,
вроде как чтоб над нами – ра-
чинцами – подтрунить, побалагу-
рить. Дескать, медлительные мы
очень, степенные. Никуда не то-
ропимся, волюнку тянем... А что
худого, скажите мне на милость,
мальчишечки вы мои хорошие!
Неужели живчик, вроде мин-
грельца, или гуриец-порох луч-
ше? В ступе пестом не утолчешь.
Верно, Сидония?

Но Сидония вдруг хлопнула
себя по лбу:

– Слушай, Спиридон! А
расскажи-ка мальчишечкам, как
ты медведя с кабаном разнимал.

– Скажешь тоже – разнимал!
– отмахнулся дядя Спиридон, но
подумав, продолжил. – А что, мо-
жет, и впрямь рассказать?

– Расскажите, дядя Спири-
дон! Расскажите! – завели мы в
два голоса.

– Ладно. Так и быть, хорошие
мои. Слушайте. Только не пере-
бивайте. А то я этого дела не
люблю. Собыюсь и не вспомню.
– Он опять сходил куда-то, при-
нес кيسет с табаком, набил труб-
ку, тщательно примял большим
пальцем, раскурил и, щурясь
сквозь душистый дымок, начал:

– В молодые годы жил я с
пастухами на ферме в горах.
Подпаском, значит... Хорошо –
вспомнить любо! Коровы коло-
кольцами позвякивают, ягнята
в тени под матками от жары хо-
ронятся, быки друг друга бода-
ют без злости, а единственный в
стаде осел вопит, как дурной, и
ушами хлопает. Я парень моло-
дой, быстроногий. Меня то в село
за газетами пошлют, то сам сбе-
гу – свою Сидонию проведать, –
собрав в улыбке морщины, дядя
Спиридон покосился на жену:

Собор Никорцминда

та тоже расплылась и замахала
на него руками. – От фермы до
села по дороге километров пять,
так что я лесом ходил, напрямки,
вдвое короче. – Дядя Спиридон
попытал трубочкой, улыбаясь вос-
поминаниям. – И вот как-то иду с
фермы, две головки сыра в узел-
ке. Октябрь стоит – ясный, тихий.
Лес разноцветный, и листочки
рыжие под ногами шуршат...

– К делу, Спиридоша, к делу!
– осторожно встала тетя Сидо-
ния: похоже, ее разбирало нетер-
пение.

Дядя Спиридон только глянул
на нее удивленно.

– Была у меня на пути поля-
на небольшая, посреди нее ди-
кая груша росла. Грушки, сами
знаете, неказистые, мелкие, но
в октябре, как перезреют, очень
даже сладкие. Я частенько на
нее залезал – полакомиться. В
этот раз спешил с сыром, да и
Сидонии своей целую неделю
не видел. Хотел мимо пройти,
но слышу – листья шумят. День,
говорю, тихий, безветренный, а
листья шумят, как в бурю! Что за
черт! Затаился, глянул через под-
лесок – груша моя раскачивает-
ся, листьями шуршит, и слышно,
как грушки с нее градом сыпят-
ся. А дерево-то не хилое, ветки
толстые. Кто же ее такой могучий
трясет? – удивился очень. За-
робел даже. Подошел поближе
и – батюшки!.. Сидит на груше
медведь и трясет ее, – дядя Спи-
ридон поглядел на жену и опять у
его глаз сбежались морщинки. –
А под деревом – продолжал он, –

разгуливает огромный кабанище
и те груши подьедает, аж хруст
стоит. Жрет и довольный похрю-
кивает: спасибо, дескать, Миша!
Медведь, значит, работает, а
этот жрет... – Дядя Спиридон за-
смеялся своим низким горловым
смехом. – Наконец, слышит миш-
ка, что груши реже сыпятся. По-
лез вниз. Туда ткнулся, сюда, а
груш кот наплакал. Тут осерчал
он, заревел и пошел на каба-
на: дескать, рожка твоя свиная,
утроба ненасытная, для тебя ли я
старался! Но, поверите, кабан не
струсил, а наоборот – башку свою
треугольную наклонил; клыки вы-
ставил и вперед! А на голодный
желудок что за драка. Бедный
мишка так и ушел с пустым брю-
хом. А кабан вернулся на поляну
и подчистую остатки подъял. Хо-
дил под деревом, хвостиком по-
дергивал и в глотке у него пело;
дескать, вот какой я молодец!
Пусть только вернется дурень ко-
солапый, я не так еще его шугану.
Ух, ух, ух, какие вкусные груши! –
хрюкал он. – Ух, ух, ух...

– Да ты, никак, кабаный язык
понимаешь, Спиридоша, – рас-
плылась в улыбке тетя Сидония.
– Ровно Миндия-змеед*...

– А что уж такого непонятного,
– ответил дядя Спиридон. – Тоже
божья тварь... Так ли я говорю,
мальчишечки, дорогушечки, хо-
рошечки?..

*Миндия – герой поэмы Важа-
Пшавела «Змеед»

ОТКРОВЕНИЕ ОТ АГНЕС, ЖЕНЫ УИЛЛА

— Екатерина МИНАСЯН

Хрупкая и сильная, нежная и твердая, смелая и деликатная...

Все это имеет место быть в одном человеке. Она позволяет этому быть в себе, соседствовать друг с другом, переплетаясь в стержень натуры. Артистической натуры. Где-то там, далеко внутри, проходит золотое сечение. В нем преломляются ее сценические образы. Преломляются с тем, чтобы родиться как отдельные жизни. Потому что каждая сыгранная ею роль — это прожитая жизнь. От первого шага на сцене до последнего вздоха, до тишины, которая воцаряется по окончании пьесы. Паузу берет зритель. Ошеломленный, он пытается прийти в себя. Выдохнуть и вернуться в реальность, из которой его выдернули. И время, в течение которого его

здесь не было, не имеет никакого значения. Для воздействия на зрителя ей, ведущей актрисе русского драматического театра имени А.С. Грибоедова Ирине Мегвинетухцеси, хватает и 45 минут. Ровно столько времени занимает моноспектакль «Агнес, жена Уилла», родившийся в тандеме с режиссером и художественным руководителем театра Авто Варсимашвили.

Наступает потрясение. Не столько от способности Ирины повести за собой, погрузив в

тому что и у меня есть корона, дарованная мне свыше...

За каждым выдающимся мужчиной всегда стоит сильная женщина. Вросшая в землю, сильная Она, символизирующая победу материи над духом, победу жизни над смертью. Она, расчищающая дорогу от второстепенного и плетущая венки из лавра. Для него плетущая. Чего ей только не приходится вплетать в него... И честь, и гордость, и любовь... Любовь. Как много о ней сложено Уильямом Шекспи-

ей от матушки. О даре видеть будущее наперед.

Травы... Мать моя покойная, знала о лесе все, – рассказывает Агнес. – Травы собирала, с деревьями разговаривала, чувствовала душу леса. Будто фея лесная ходила она среди собственных владений.

И Агнес, как говорят окружающие, пошла в нее.

Может быть, – размышляешь ты над словами героини. И развиваешь аллюзию драматурга Нины Мазур дальше. Вот дом

проекцию XVI века, сколько от глубины трагедии, которую переживает малограмотная и беззащитная в своей простоте супруга английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира. Потрясение от трагедии, пропущенной через себя. И обнажающей самое сокровенное во взаимоотношениях близких людей и их места в жизни. Словно Ирина-Агнес говорит: смотрите, вот тут – оголенный нерв, а вот тут – болевой порог, ну, а это – мой трон, по-

ром, и как мало ее было в жизни Агнес. Она не станет музой для будущего поэта. Ее миссия будет заключаться в другом.

История их знакомства на первый взгляд кажется простой. Она – малообразованная девушка из состоятельной семьи, он – репетитор, пришедший отработать долг собственного отца: обучать латыни братьев-школьников. Но простой ровно до того момента, когда Агнес поведаст о даре, передавшемся

в деревне Шаттери, сад, ферма на краю леса. И женщина, уходящая в лес. Женщина, ступающая по траве с легкостью нимфы. Остановилась, собирает коренья, вдыхая ароматы наступающей весны. Журит за что-то девочку, цепляющуюся за ее подол, щечечет травинкой мальчика, привязанного к спине. Часом позже укладывает детей спать, и начинает готовить снадобья. Две унции пустырника, пять молотой гвоздики, одуванчика, одуван-

чика бы не забыть... И кудесничаёт, кудесничаёт над отварами долгими часами... А потом передаёт эстафету дочери. И вот уже сама Агнес толчет в ступе травы для лечебных зелий. Две унции пустырника, пять молотой гвоздики, одуванчика, одуванчика бы не забыть... И кудесничаёт, кудесничаёт над отварами долгими часами... И опять незамысловатый быт, тихая незаметная жизнь, и преемственность участи со времен сотворения человечества...

Вот только Агнес в исполне-

заглянуть в молодого Уилла и – увидеть талант.

Она взяла его за руку, между большим и указательным пальцами, как мать показывала, – чтобы его сущность увидеть. И такая глубина ей открылась! Такое понимание – что Уилл поцелованный Богом! А значит, и жить подле него будет не так просто. Я знала, на что шла, когда мы в яблочном амбаре Сюзанну зачали, – признается Агнес. И только позже становится понятно, что скрывается за этими словами.

ушел от чумы в мир иной. Уилл приехал из Лондона в день похорон. Люди не узнавали его, потому что Уилл был похож в те дни на призрак. И говорил словами героя трагедии: «Прощай, прощай!» И еще... «Помни обо мне» – хотя это ведь Уилл должен помнить, а не мальчик наш, – рассуждала Агнес.

Похоронив сына, Уилл предложил ей собрать вещи и уехать с ним в Лондон. Вот только Агнес этого не захотела. Не нашла бы она своего места в Лондоне, да и Уилл должен жить другой –

нии Ирины не так проста. Агнес, родившаяся в облике Ирины, персонаж сложносочиненный и даже немного мистический. Трудно выливаемая в словесную форму тайна раскрывается в движениях Агнес. Язык тела оказывается красноречивее и выразительнее слов. В пластике исходящих потоков энергии читается откровение и невыразимая боль. Боль от потери сына Гамлета и боль от одиночества, на которое ее обрекла судьба. В тексте хореографических отступлений – и о нерушимой связи с природой, наполняющей ее силами и знаниями. Ведь это природа наделила ее способностью

Травы. Агнес все время возвращается к ним. Две унции пустырника, пять молотой гвоздики, одуванчика, одуванчика бы не забыть... И кудесничаёт, кудесничаёт над отварами долгими часами... Нет ничего важнее этого, потому что ей кажется, когда она лечит людей, ему «там» легче. Ему. Агнес вслушивается. Звуки флейты... Небесной флейты.

Ей и будущее Уильяма было суждено увидеть, и двух дочерей у предсмертного одра своего. Поэтому, когда на свет появился он, думала, предчувствия ее обманули. Ан нет, не жилец оказался Гамлет и 11 лет от роду

яркой – жизнью. Поэтому он уехал, а она осталась. Осталась со своей болью. С вслушиванием в звук небесной флейты...

Травы. В них спасение. Агнес берет в руки ступу и... Две унции пустырника, пять молотой гвоздики, одуванчика, одуванчика бы не забыть... И кудесничаёт, кудесничаёт над отварами долгими часами... И кажется, что вместо трав Агнес жизнь свою толчет: унция радости, две унции печали, три – горя и печали.

«Энн, Энн!» – поминутно выдергивают Агнес из пересказа собственной жизни голоса дочерей. Вообще-то имя, данное ей при рождении, – Агнес. Так на-

зывали ее в отчем доме, так называет ее Уилл. Для всех остальных же она – Энн. Им так проще. Потому что Энн – это уже другой человек. Энн – женщина с крепким стержнем и здравым смыслом. А Агнес... Никто не знает, какая она есть. Та Агнес, что отпустила мужа в большой мир. Конечно, она понимала, что муж неверен ей, и вряд ли устоит против соблазнов большого города. Но знала она и то, что в час свой последний он вернется к ней. И это грело сердце в лютую стужу одиночества.

села», – рассказывает Агнес. Шум стих. И появился призрак. Агнес сразу узнала Уилла. Но еще не до конца поняла происходящее. И вдруг услышала голоса: «Гамлет, Гамлет!» Почему люди твердят имя ее сына? Как они смеют? – гневно вопрошала она. И вот на сцене появился он. Золотоволосый, как ее сын, те же движения, тот же поворот головы, та же храбрость в глазах...

И тут Агнес, кажется, поняла самое главное. Уилл превратился в призрак, чтобы воскресить сына. И даже если эта история

замуж за Уилла, она словно приняла монашеский постриг. Но, она не в обиде на судьбу. Агнес же все знала наперед. Ведунья, колдунья, кудесница...

Травы. Агнес берет в руки ступу и... Две унции пустырника, пять молотой гвоздики, одуванчика, одуванчика бы не забыть... И кудесничает, кудесничает над отварами долгими часами... И кажется, что вместо трав Агнес жизнь свою толчет: унция радости, две унции печали, три – горя и печали... Всех может спасти Агнес, кроме себя... Все есть у

Автандил Варсимашвили и Ирина Мегвинетуцеси

Как-то раз попалась ей театральная афиша, привезенная соседом из Лондона. И на ней, о ужас, выставленное на показ их с Уиллом горе – представление Уильяма Шекспира на афише называлось именем сына. «Гамлет»! И поехала Агнес в Лондон. Попала вначале в квартиру мужа. Бедно обставленную, похожую больше на келью, нежели на жилище драматурга. А потом отправилась в театр. «Место нашла с трудом,

не об их Гамлете, муж подарил ему вторую жизнь, чтобы всегда быть рядом.

Агнес улыбается, одними глазами, сквозь боль. Нет, это не триумф, а проступившая сквозь тьму истина. А истина в том, что муж отправился в Лондон за славой. И слава эта всех их переживет. И цена за этот успех – ее любовь. Поняв это, понимаешь и то, почему одеяния Агнес тянут больше на рясу, чем на наряд дамы из общества. Выйдя

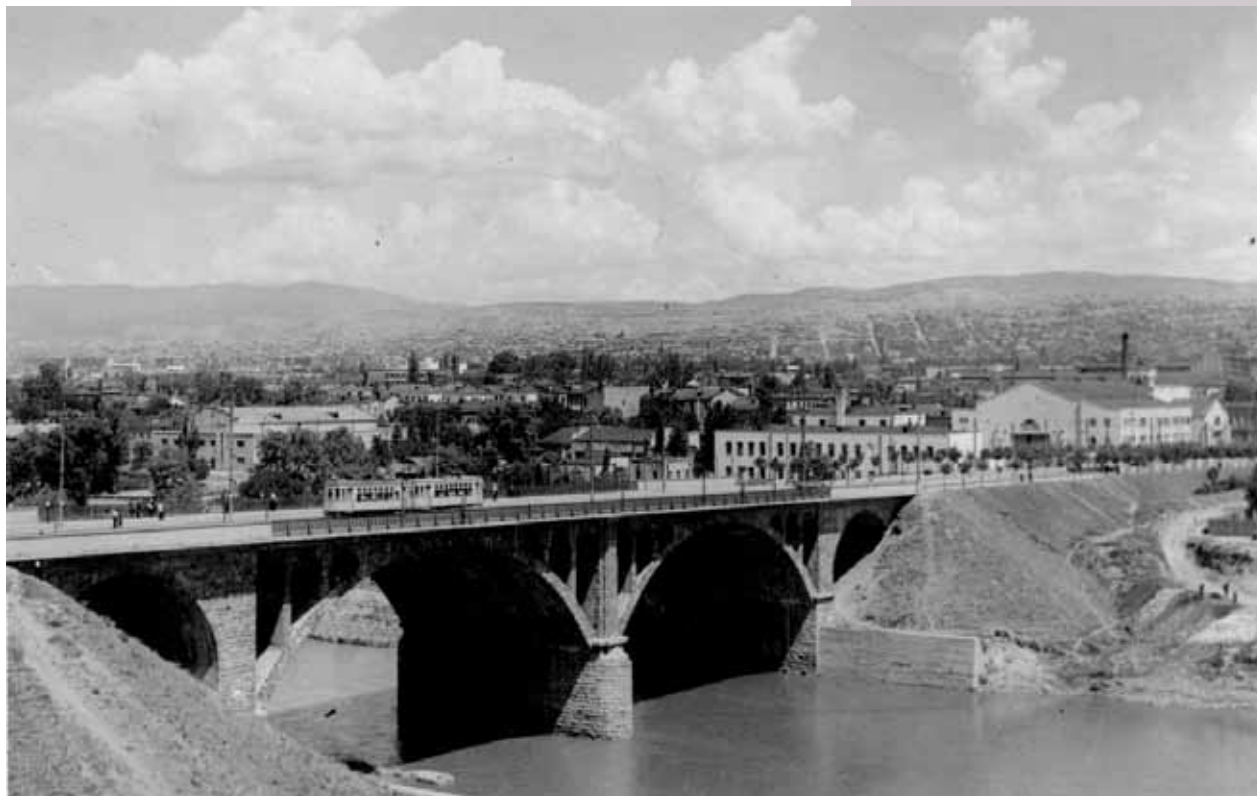
Агнес, кроме любви Уилла.

45 минут откровения. 45 минут счастья. Разве этого мало? – спросит иной. Мало для осмысления трагедии маленькой женщины. И чертовски много для исповеди несчастного человека...

Унция счастливого попадания в тему, еще унция блестящей драматургии и много фунтов актерского гения и обаяния...

К Агнес хочется возвращаться.

**Сердечно поздравляем Ирину Мегвинетуцеси с круглой датой!
Многих удач, новых побед, светлых радостей!
И пусть всегда «продолжение следует»!**

Мост Челюскинцев

Те имена, что ты сберег

■ **Владимир ГОЛОВИН**

В последнее время имя этого человека все чаще звучит в Тбилиси. В городе сейчас немало новостроек, а престижных мест для многоэтажного строительства (другое уже и невыгодно) — все меньше. Вот проектировщики со строителями и ломают головы, как в сейсмической зоне поставить высотки — побольше да побезопаснее. А сделать это невозможно без методики расчетов непререкаемого во всем мире авторитета в области строительной механики, одного из создателей динамической теории сейсмостойкости сооружений академика Кириака Завриева. Без постулатов этого основателя новой теории строительства, разработчика технических условий проектирования и строительства в сейсмических районах Южного Кавказа, как говорится, «и не туды, и не сюды». К сожалению, не все заказчики, да и строители, об этом помнят.

Для тифлисского офицера Самсона Завриева математика была основной областью приложения усилий — благодаря ей он

стал военным топографом, заслужившим на Русско-турецкой войне 1877-78 годов два ордена и звание потомственного дворянина. А затем — еще один орден, «Высочайшее благоволение за ревностную службу», звание полковника и высокую должность в полевой службе Военно-топографического отдела штаба Кавказского военного округа. Главной областью знаний становится математика и для его сына Кириака, родившегося в 1891 году. Правда, применить эту науку юноша решает на одном из престижнейших в то время поприщ — инженера-путейца. То есть, создателя железных дорог.

Кстати — о столь необычном для наших дней имени. «Кириак» имеет греческое происхождение и означает «владыка». Как свидетельствуют справочники и словари, «оно может быть выбрано, если родители хотят дать ребенку имя с глубоким значением и историей... Люди с именем Кириак обычно обладают сильной волей и уверенностью в себе, стремятся к достижению целей и не боятся принимать риски, часто являются лидерами в своих областях

деятельности и обладают хорошими организаторскими способностями... Оно звучит мощно и достойно, что отражает характер и судьбу людей, которые его носят».

Все это полностью относится к Завриеву-младшему.

Окончив с золотой медалью гимназию, он отправляется в Петербургский институт инженеров путей сообщения — первое российское техническое высшее учебное заведение в области транспорта, перешедшее на стандарт инженерного образования с пятилетним курсом обучения. Это очень непростой институт. Как пишет его выпускник, всемирно известный механик и инженер Степан Тимошенко, именно пример этого института позволил «начинать преподавание математики, механики и физики на довольно высоком уровне уже на первых курсах и дать студентам достаточную подготовку по фундаментальным предметам, а затем использовать время для изучения инженерных дисциплин». Не случайно на базе факультетов института в 1929-1931 годах были созданы аж четыре

Кириак Завриев

самостоятельных транспортных вуза – ленинградские: институт инженеров водного транспорта, институт инженеров гражданского воздушного флота, автодорожный институт и Военно-транспортная академия РККА.

Все это необходимо знать, чтобы понять и оценить, в каком знаменитом и именитом институте студент из Тифлиса производит... подлинную революцию. Революцию в целой строительной отрасли, воспользовавшись тем, что вуз вел большую научную работу, включавшую в себя и теоретические разработки основ строительного дела. Он учится на кафедре того самого профессора

Тимошенко, которого мы цитировали, и оказалось, как говорили однокашники, что «у него – руки рабочего, голова инженера и глаз художника». Поэтому Кириак быстро переходит от учебных к заказным проектам. И студентом четвертого курса уже работает на строительстве нового Дворцового моста через Неву. Оно началось в конце 1911 года – вместо старого, плашкоутного, то есть понтонного, которому плавучими опорами служили плоскодонные суда.

Но то, как ведут строительство его современники, студента не удовлетворяет, он ставит под сомнение методы расчета, на которых основывается вся тогдашняя мировая строительная практика. Конструкции зданий, дворцов, мостов, которыми восхищаются и специалисты, и непрофессионалы, кажутся ему недостаточно легкими и изящными. И решает рассчитать новые конструкции, способные соответствовать его эстетическому чувству.

В строительстве тогда господствует метод допускаемых напряжений. Истинных напряжений, которые может вызвать нагрузка, получить по нему невозможно. Рассчитанные по этому методу конструкции работали не в полную силу, получались массивными. Повинен в том был и невысокий уровень строительной механики, и то, что фирмам-подрядчикам выгодно было расходовать лишний материал – от этого увеличивались их доходы. А у проектировщиков и вовсе голова не болела – они создавали хотя и тяжелые, но зато надеж-

ные конструкции.

И тут появляется какой-то студент, утверждающий: многие миллионы тонн камня, дерева и металла укладываются, по сути дела, напрасно. Создаются настоящие могилы для строительных материалов. И чтобы этого не было, надо определять, на что способна конструкция, если довести ее до разрушения. А уже потом вполне сознательно дать сооружению запас прочности. Это получило название метода расчета по разрушающим нагрузкам. Он не только экономил стройматериалы, но и делал сооружения рациональными, легкими.

Сегодня это – азы строительной науки. А в далеком 1913-м профессор Тимошенко, прочитав записи своего студента, был потрясен. Он видит начало революции в методах расчетов! И буквально влетает в кабинет ректора Платона Янковского: студенческую работу необходимо доложить на ученом совете! Но, увы, студентам строжайше запрещено выступать перед профессорами, считается, что они и без этого пытаются поучать старшее поколение на своих собраниях и сходках.

Тогда, видя, что даже для талантливейшего «студюоза» исключение не будет сделано, Тимошенко решается на хитрость – приглашает коллег-профессоров во главе с ректором присутствовать на экзамене, который состоится на следующий день. Так проходит самый странный экзамен в истории знаменитого института. Перед целым ареопагом

К. Завриев в годы учебы

Петербургский институт инженеров путей сообщения

светил строительной науки всего один студент отвечает лишь на один вопрос – тот самый, который он поднял в записке, потрясшей Тимошенко.

Фактически, это не экзамен, а доклад, после которого вопросы сыплются градом. Затем – бурное обсуждение и... публикация статьи Завриева в научном журнале. Это поистине фундаментальный труд, который становится чуть ли не первым шагом в формировании новой прогрессивной методологии расчета сооружений по предельным состояниям. А 22-летний студент признается научным миром автором принципиально нового направления в одной из сфер строительства крупных сооружений.

Да, о таком начале научной деятельности можно только мечтать: первая фундаментальная работа – еще на студенческой скамье, по окончании института – золотая медаль, предложение не только остаться на кафедре, но и преподавать. Да еще совмещать преподавание с разработкой проектов и строительством мостов. И, наконец, поощрительная командировка в Германию. Правда, так и не состоявшаяся – из-за начала Первой мировой войны. А выпускники института получают младшие офицерские звания. И Завриев, надев военную форму, уходит в

действующую армию.

Он участвует в наведении мостовых переправ через водные преграды и в восстановлении старых мостов. В Белоруссии и Бессарабии проектирует несколько крупных мостов военного назначения и сам руководит их строительством на реках Неман, Днепр и Десна. О том, как он это делает, свидетельствует приказ, изданный в январе 1916 года командующим 10-й армией о награждении К.С. Завриева орденом Святого Станислава 3-й степени «за отличную службу по постройке моста через реку Днепр у города Рогачева». Кстати, этот мост простоял до 1940-х годов.

И еще одно практически невероятное событие. Впрочем, как мы уже убедились, с Кириком Завриевым связано именно невероятное. Даже находясь на фронте, он не прекращает преподавать. Естественно, когда позволяет обстановка на фронте. Причем, преподавать уже в Высшем политехническом училище в Одессе. И он не только преподает, но и много делает, чтобы в 1918-м это училище стало Одесским политехническим институтом. Тем самым он косвенно способствует появлению Одесских национальных морского и экономического университетов, академии связи, государствен-

ной академии строительства и архитектуры. Все они образованы на основе этого института.

Война заканчивается, и, казалось бы, теперь можно заняться тем, что предлагали до ее начала – непыльной научной деятельностью на кафедре, созданию профессорской карьеры. Но 27-летний ученый понимает: ни «чистая наука», ни преподавание – не для него. Он убежден: разработанный им метод способен перевернуть всю строительную практику. И возвращается именно к такой практике – в 1919-1920 годах возглавляет службу железнодорожных путей в Первой Республике Армения. А после прихода большевиков к власти в Армении переезжает в Тифлис.

На родине он тоже работает в железнодорожной отрасли – семь лет руководит отделом мостов Закавказских железных дорог. Получает звание профессора Тбилисского политехнического института, читает лекции в этом вузе. А потом по Южному Кавказу прокатываются подземные толчки. В феврале 1920-го в Гори 6,2-балльное землетрясение за 10 минут уносит жизни 115 человек, разрушает сотни зданий. В октябре 1926-го в Гюмри землетрясение в 8-9 баллов разрушает 1500 домов, гибнут 300 человек. Затем разрушения и жертвы в Зангезуре и Нагорном Карабахе...

И Завриев приступает к разработке динамической теории сейсмостойкости сооружений. Вскоре работа полностью завершена, и с

Орден Св. Станислава II степени

Строительство и открытие моста Челюскинцев

тех пор применение этой теории на практике позволяет делать крупные, массивные сооружения не только более устойчивыми к землетрясениям, рациональными и изящными, но и более дешевыми – за счет экономии материалов. Впоследствии этот метод стал использоваться при строительстве во всех сейсмически активных регионах мира.

При этом Кириак Самсонович не прекращает проектировать мосты в Грузии и Армении, консультирует коллег. В Тбилиси одна из самых известных его работ – мост Челюскинцев, ныне носящий им. Царицы Тамар. Его создание лично курировалось инициатором новостройки Лаврентием Берия, и излишне раздвигать, какие могли быть последствия, если бы хоть что-то пошло не так, хотя бы в мелочах... К счастью для всех, мост, возведенный классиком архитектуры в 1935 году, по сей день служит людям.

В год рождения этого моста в СССР вводятся ученые степени, и Завриева утверждают доктором технических наук без какой-либо защиты диссертации. Так он становится первым человеком, носящим эту степень в Закавказье. Со дня основания в 1930-м знаменитого ТБИИЖТа – Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта, целых 26 лет возглавляет там кафедру и занимает должность проректора по научной работе. А сам в 1941 году основывает Бюро антисейсмического строительства, ставшее позже акаде-

мическим Институтом строительной механики и сейсмостойкости его имени.

Эту Академию Кириак Самсонович сам и создавал – вместе с другими выдающимися грузинскими учеными. В том же 1941-м, одновременно со званием академика, он получает еще и звание заслуженного деятеля науки и техники Грузинской ССР. Можно сказать, что это был отличный подарок к 50-летию ученого. А потом – Великая Отечественная война. Завриев служит в Наркомате путей сообщения СССР, носит звание генерал-директора пути и строительства 2-го ранга (оно приравнивалось к войсковому званию генерал-лейтенанта), занимается восстановлением разрушенных мостов.

После войны – вновь научно-исследовательская и преподавательская работа в Тбилиси, безоговорочное признание за рубежом. Он – один из восьми национальных директоров Исполнительного комитета Международной ассоциации по сейсмостойкому строительству (Япония), действительный член Института предварительно-напряженного железобетона (США)...

Казалось бы, жизни это человека можно позавидовать: 150 научных работ, многочисленные ученики, которые сегодня работают в ближнем и дальнем зарубежье, две высшие награды СССР – ордена Ленина, академическая премия его имени за достижения в строительной механике... А какие знаковые строения, помимо моста Царицы Тамар, украшают

грузинскую столицу, благодаря разработанному им техническому решению по применению легких бетонов для сооружения несущих конструкций! Цирк, бывший Институт марксизма-ленинизма, первая очередь Дома правительства (Парламента), Дворец спорта...

Но это – лишь одна сторона медали, с другой стороны – огромные нагрузки, трата нервов и здоровья, постоянные волнения при принятии ответственных решений, от которых зависят судьбы и его самого, и других людей. Слово – архитектору-строителю, литератору, члену Международной федерации художников (IFA), выпускнику Грузинского политехнического института по специальности «гидротехническое строительство», бывшему завриевскому студенту Баадур Чхатарашвили: «На протяжении десятилетий ни один проект по строительству сооружений, превосходящих размерами коровник, не подлежал утверждению без экспертизы и визы «завриевского» института. Зачастую имели место совсем уже из ряда вон выходящие случаи, когда заседания Госстроя республики проходили в кабинете его директора. Существовало знаменитое завриевское «нет!», и, ежели Кириак выносил подобный вердикт, никакие силы не могли сей вердикт отменить: с высоты своего авторитета и благодаря подкрепленному редким даром «инженерного чутья» колоссальному объему накопленного знания, плевать хотел Смотрящий

Семья Завриева

по строительству на чиновников любого уровня – от нашего ЦК и до Москвы. Показательным в этом аспекте явился факт жарких прений по поводу высоты проектируемой в постхрущевские годы Ингурской плотины. К середине шестидесятых самым внушительным гидросооружением в мире являлась арочная плотина Вайонт в Италии высотой в 261,6 метра. Москва постановила: утереть итальяшкам нос и запрудить быстроструйную Ингури арочной плотинной высотой в 300 метров! Некогда славный наш Гидропроект приступил было к составлению проектного задания, но тут Кириак выдал свое фирменное «нет» и показал Москве фигу, ибо его предварительный расчет показал: сложенные из мергелистых известняков склоны ингурского каньона не выдержат нагрузки сооружения, предназначенного для сдерживания напора полутора миллиардов кубометров набегающей с заоблачных ледников архаичной Сванетии талой влаги. Москва задумалась... После недолгой паузы пришло новое постановление: хоть бы и на десять метров, но выше итальянской, даже ценой значительного удорожания строительства... Так значит товарищ Косыгин не станет зажимать расходы? Сделаем! Кириак засучил рукава и засел со своими ребятами за расчеты. В результате

На совещании в Ташкенте

известняковые склоны ущелья превратили в искусственную скалу – бурили шурфы 25-метровой глубины и под давлением нагнетали в дыры раствор на специально разработанном высокомарочном «ингурском» цементе. В тело плотины вчнили бетонную пробку, на которую и насадили саму арку. В результате аж до 2013 года мы являлись гордыми собственниками самой высокой в Мире арочной плотины – 271,5 метра (в 2013-м нас обскакали китайцы, заделали три арки высотой соответственно 285, 292 и 305 м)».

А это – воспоминания Гурама Габричидзе, члена-корреспон-

дента Национальной академии наук Грузии, доктора технических наук, лауреата академической премии имени К.С. Завриева: «В 1961 в Грузию должен был приехать Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Торжественная встреча с ним должна была состояться в строящемся тогда Дворце спорта. Сроки были ограничены. Главным элементом стройки было перекрытие дворца, которое осуществлялось в виде большепролетной оболочки, собираемой т.н. навесным способом, без поддерживающих лесов. Относительно возможности сборки такого перекрытия были разные мнения. Многие...

С супругой

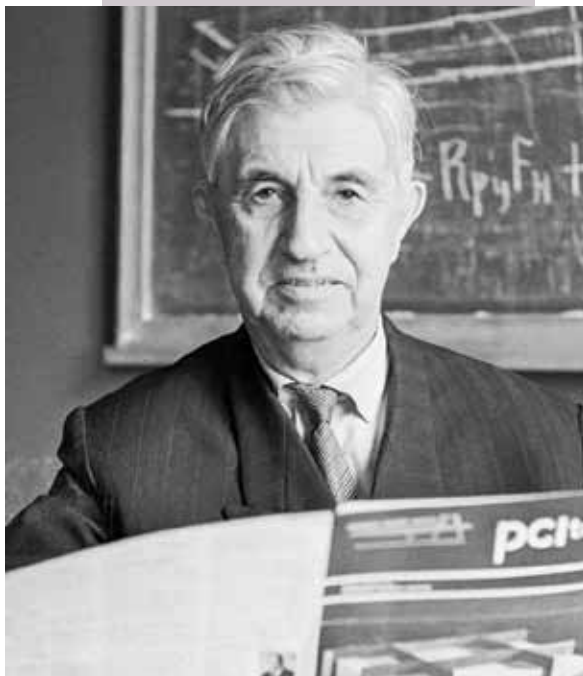

считали это дело рискованным и даже неосуществимым, поэтому вопрос места проведения торжественной встречи с Н.С. Хрущевым решался в высших руководящих кругах республики, где окончательное слово должен был сказать Кириак Самсонович. Им было дано согласие, и началась сборка купола. Нашему институту было поручено осуществление контроля за процессом сборки. Всего должны были собрать 12 круговых колец. Все шло нормально, и вдруг, при сборке 7-го кольца, когда на него наложили сборные плиты следующего ряда, круговое ребро кольца раздробилось от сжимающих кольцевых усилий. Аварийная ситуация! Срочно приостановили работы, эвакуировали рабочих с перекрытия. Вечером заседала специальная правительственная комиссия, которая решила наутро на месте осмотреть конструкцию и принять решение. Я как картину помню: направляется комиссия к сооружению, впереди Кириак Самсонович, а за ним – члены комиссии. Вошли в зал, над которым нависало незаконченное перекрытие с зияющим средним проемом и раздробленным кольцевым ребром. Задавали вопросы автору конструкции, прорабу работ, крановщику. Вопросы кончились и все обратились к К.С. Завриеву: «Ну, что будем делать?» Короткая пауза, и Завриев дает указание: «Надо укрепить раздробленное место и продолжить сборку». Купол был собран, торжественная встреча с Хрущевым состоялась, купол и ныне здравствует».

А в 1960-х многие посчитали опасной скалу, нависшую над железной дорогой в Боржомском районе. Одни специалисты утверждали, что скала дала трещину и может рухнуть при первом землетрясении. Поэтому надо ее взрывать. Другие опасались, что если скалу взорвать, то это нарушит подземные стоки, и Боржом лишается своих источников минеральных вод. Тем

временем поезда продолжали ходить, строители следили за состоянием скалы, а саперы рыли шурфы, уже закладывая взрывчатку. Ожидали только приказа из Москвы.

А в Москве авторитеты и науки, и практики собираются на совет в кабинете председателя Госстроя СССР. Большинство склоняется к взрыву, опасаясь ответственности: скала – не искусственное сооружение, нельзя вызвать автора, который поручится за свое детище. И тут... «Я ручаюсь за эту скалу, – громкогласно объявляет Завриев. – Я осмотрел ее, трещины неопасны. Мощный взрыв невозможен из-за близости города, слабый только расшатает, но не обрушит

скалу, она может рухнуть даже при не очень сильном сотрясении земли». И решающее заседание назначают на следующее утро.

Утром Завриеву заявляют: если он настаивает на своем «поручительстве» за скалу, необходимо письменное заключение. Сколько на это потребуются дней? В ответ Кириак Самсонович протягивает конверт с таким заключением. Оно подготовлено за одну бессонную ночь, на основе теории, которую он начал создавать еще студентом. Взрыв отменяется, а в 1970 году в Боржоме происходит сильное землетрясение. Завриев выезжает на

место разгула стихии. Как он и предсказал, скала стоит прочно, даже старые трещины не расширились.

Когда в начале XXI века редакция Большой Энциклопедии Кавказа (БЭК) решила создать серию биографий деятелей и видных людей региона для оценки их вклада в процесс развития мировой цивилизации, Грузия представила именно Завриева...

Что изменилось с тех пор? Вот цитата из газеты «Резонанси» пятилетней давности: «В Грузии новые здания не проходят сейсмическую проверку, все зависит от честности и добросовестности самих строительных компаний, так как структуры, которая могла бы установить сейсмоустойчивость того или иного здания, в стране просто не существует». «Грузия является сейсмически активным регионом на Кавказе, и этим фактом часто пренебрегают строительные компании и инвесторы, которые вкладывают деньги в энергетические проекты на территории страны», – заявила директор Института изучения Земли и Национального центра сейсмологии Теа Годоладзе два года назад. «Около 80 процентов жилых домов Тбилиси не соответствуют требованиям сейсмостойкости, – утверждает глава Ассоциации строителей Ираклий Ростомашвили в феврале нынешнего года. – Отдельную угрозу представляют самовольные надстройки, изменения планировок и сносы несущих стен в жилых корпусах... Необходимо специальная проверка всех жилых зданий Тбилиси, специальная карта состояния домов и условное разделение столицы на зоны по степени рисков построек».

В общем, ясно одно: в эпоху небоскребов так необходимы точные расчеты, сделанные авторитетными людьми! Нужно, чтобы кто-то сказал: «Беру ответственность на себя», как это делал Завриев. И чтобы ему поверили – как верили Завриеву.

Мария Кшондзер

«ВО ВСЕМ МНЕ ХОЧЕТСЯ ДОЙТИ ДО САМОЙ СУТИ...»

Наши соотечественники за рубежом

■ Соб. инф.

В переходные эпохи человеку очень трудно осознать себя в окружающем мире и найти духовные ориентиры, помогающие выбрать правильный путь. Современные технологии предлагают множество готовых решений, не требующих особых нравственных усилий: достаточно набрать в поисковике ту или иную тему – и тебе предлагают огромное количество вариантов решения проблемы или выхода из сложной жизненной ситуации. Всю мировую культуру можно уместить на нескольких сайтах, великую литературу – кратко пересказать для сдачи экзамена, а вечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» просто отбросить как ненужные архаизмы. Однако при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто, и мыслящий молодой человек

(а их в наше время не меньше, а может быть, и больше, чем раньше), которому «во всем... хочется дойти до самой сути», на своем собственном опыте убеждается, что вечные вопросы существуют, совесть и честь никто не отменял, а забвение самых простых и в то же время самых важных библейских истин приводит человечество к гуманитарной катастрофе, выбраться из которой чрезвычайно сложно. Жить в эпоху перемен очень нелегко, и главным советчиком может стать только культура, которая всегда задает вопросы и не дает готовых ответов, а помогает разобраться в смысле бытия и своем предназначении.

О проблемах культуры и нравственных ориентиров мы беседуем с нашей соотечественницей, доктором филологических наук, выпускницей Тбилисского государственного

университета Марией Кшондзер, живущей в настоящее время в Германии.

– Все мы родом из детства. Какие детские воспоминания оставили в вашей жизни самый яркий след?

– Я росла в филологической семье. Мой отец, Карл Эмильевич Кшондзер – известный в городе словесник, педагог, всю свою жизнь посвятивший воспитанию и образованию молодого поколения. Папа был страстным библиофилом, у нас была одна из лучших библиотек в Тбилиси, и самые ранние воспоминания детства у меня связаны с книжными полками до самого потолка. Книга в нашем доме была не только источником знаний, но еще в большей степени – культовым нравственным ориентиром. Мой любимый поэт Борис Пастернак сказал о книге удивительные слова, в полной мере выражающие отношение к книжной культуре в нашей семье: «Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся соевести – и больше ничего... Неумение найти и сказать правду – недостаток, которого никаким умением говорить неправду не покрыть. Книга – живое существо. Она в памяти и в полном рассудке: картины и сцены – это то, что она вынесла из прошлого, запомнила и не согласна забыть».

Мое детство прошло на Вере, в старом центре Тбилиси, где особенно ощущалась связь времен и культур. Папа родился в Москве, мама эвакуировалась с семьей из Киева во время Второй мировой войны, но вся совместная жизнь родителей прошла в Тбилиси. Атмосфера города моего детства и юность неповторима, понятие «тбилисец» было очень емким и всеобъемлющим, оно включало не национальность, а нечто более глубокое и выражающее суть отношений между людьми. Сейчас, через много лет, когда друзей и близких разбросало по всему свету, понимаешь, в какой прекрасной творческой среде мы жили и как ценили друг друга не по материальным или национальным признакам, а по ощущению «одной общей крови» – духовности и доброты.

Родители – Наталья Ильинична и Карл Эмильевич Кшондзер

С отцом

Я не склонна идеализировать годы детства и юности, было много навязанного и идеологизированного, но мы умели отличать правду от лжи и пронесли через годы высокое звание тбилисца, которого сразу узнаешь и в москвиче, и в жителе Парижа или Берлина.

– *Вы продолжили семейную традицию, стали филологом и застали «золотой век» филфака ТГУ.*

– Да, грузинская славистика была прекрасной школой для студентов-русистов. Наши учителя – Вано Семенович Шадури, Георгий Михайлович Гиголов, Лина Дмитриевна Хихадзе, Игорь Семенович Богомолов, Константин Сергеевич Герасимов – заложили в нас основы понимания художественной литературы и дали прекрасную базу для роста в профессии. Моя научная деятельность началась в Музее дружбы народов Академии наук Грузии под руководством Игоря Богомолова и продолжается по сей день. Защита кандидатской диссертации в Тбилисском государственном университете, докторантура и защита докторской диссертации в ИМЛИ РАН в Москве на

тему «Рецепция инонациональной действительности в русской культуре XX века (на материале русской литературы о Грузии)» – лишнее подтверждение хорошей школы, полученной в годы учебы на филфаке ТГУ.

На материале докторской диссертации в издательстве «Мецниереба» была издана монография, в 2007 году в Москве вышла книга моих научных трудов «Русская литература – открытое единство», в которую вошли статьи разных лет, в том числе, большой раздел

посвящен творчеству выдающегося грузинского писателя и мыслителя Григола Робакидзе. Круг моих научных интересов – русская поэзия «серебряного века», русско-грузинские литературные взаимосвязи, типология художественного творчества. Большую роль в моем становлении сыграла мой университетский профессор Лина Хихадзе. Наряду с наукой я занималась и просветительской работой, шесть лет возглавляла литературное общество «Арион», продолжая традиции,

Вано Шадури

Лина Хихадзе

Константин Герасимов

Сотрудники кафедры истории русской литературы ТГУ

заложенные профессором Герасимовым. За годы жизни в Германии я участвовала в конференциях и симпозиумах в Германии, Польше, Чехии, Испании, Италии, Бельгии, не говоря уже о России, публиковалась в престижных научных изданиях Канады и США, выступала с лекциями в Любеке, Гамбурге, Шверине, Гиссене, Мюнхене...

– В связи со сложной политической ситуацией в мире в последнее время возникает очень много споров о русской культуре...

– Да, спорят о ее так называемом «имперском» звучании, о необходимости пересмотра устоявшихся ценностей, считавшихся незыблемыми. Речь идет о классической русской литературе, о творчестве Пушкина с его «Клеветникам России», о Лермонтове с «Бородино», о Достоевском с его антигерманскими, антипольскими и антисемитскими высказываниями, о Бродском с его стихотворением «На независимость Украины». Однако все зависит от установки и от желания найти в классике подтверждение своих сиюминутных политических приоритетов.

Русская литература дает множество прямо противоположных примеров противостояния тирании и высокомерного взгляда свысока на другие народы. К сожалению, конъюнктурный подход к трактовке культуры и литературы порой превалировал в критике и литературоведении советского вре-

мени, и сейчас эта тенденция продолжается в своих крайних проявлениях. Так называемая «отмена культуры», или «культура отмены» – это сиюминутная пена, которая объясняется ситуацией момента и отнюдь не характерна для большинства интеллектуалов и просто здравомыслящих людей на Западе.

Русская культура, так же, как и мировая, не подлежит отмене. Она, безусловно, впитала в себя все достижения мировой художественной мысли и обогатила ее новыми смыслами и находками. Известно влияние Достоевского на Томаса Манна, на всю литературу европейского модернизма и постмодернизма. Огромно влияние русской литературы на миросозерцание японских и китайских читателей. Великолепная русская переводческая школа позволила русскому читателю познакомиться с мировой классикой в почти первозданном виде, «Витязь в тигровой шкуре» блестяще переведен Заболоцким и Петренко, грузинская поэзия обрела новую жизнь в переводах Пастернака, Заболоцкого, Антокольского, Лившица, Ахмадулиной. Можно спорить о текстуальном совпадении некоторых стихов, но шедевры грузинской лирики стали явлением русской культуры, а Грузия всегда была источником вдохновения для русских поэтов и писателей. Не могу не отметить, что замечательным образцом продолжающихся связей между культурами стало

издание «Антологии грузинской поэзии в русских переводах», осуществленное издательством «Либрика» при деятельном участии российских и грузинских коллег под эгидой тбилисского «Русского клуба».

– Хотелось бы услышать из первых уст – каково сейчас отношение к русской культуре в Германии?

– Здесь всегда был большой интерес к русской литературе и музыке. Могу судить по примеру работы нашего общества «Арион», которое стало преемником одноименного тбилисского и существует в Любеке уже почти 20 лет: мы никогда не видели препятствий в осуществлении своих проектов, проводили лекции, дискуссии по проблемам русской и мировой культуры, поэтические вечера, концерты русской музыки. В аудиенц-зале главной ратуши Любека «Арион» не раз проводил двуязычные русско-немецкие литературно-музыкальные вечера, посвященные юбилейным датам русской литературы, к нам часто приходят поэты и литераторы из Гамбурга, Бремена, Ратцебурга и других городов Германии, у нас выступали гости из Петербурга с композицией по Цветаевой, мы показывали литературно-музыкальную композицию по Бродскому в Гамбурге. Вечера в ратуше всегда проходили с большим успехом и имели прекрасную прессу, как русскоязычную, так и немецкую, немецкие обще-

С друзьями в Тбилиси

ственные структуры помогали с финансированием наших проектов. В качестве примера процитирую, например, фрагмент статьи «Посвящается Мандельштаму», опубликованной в журнале «У нас в Гамбурге» (№1, 2017): «Литературно-музыкальный вечер, посвященный выдающемуся поэту с трагической судьбой, состоялся в аудитории главной ратуши Любека. Вечер организовало общество «Арион»... Для Мандельштама музыка – это выражение того состояния, в котором рождаются поэтические строки. Автор сценария М. Кшондзер именно на этом и построила программу. Сочетание прекрасной классической музыки, стихов и ярких отрывков из прозы Мандельштама сделало этот вечер необыкновенным подарком любителям поэзии и музыки. Звуки музыки органично вплелись в слова поэта и в повествование о нем... Вечер, посвященный творчеству Мандельштама, – еще одна веха во взаимообогащении русской и немецкой культур, что особенно важно

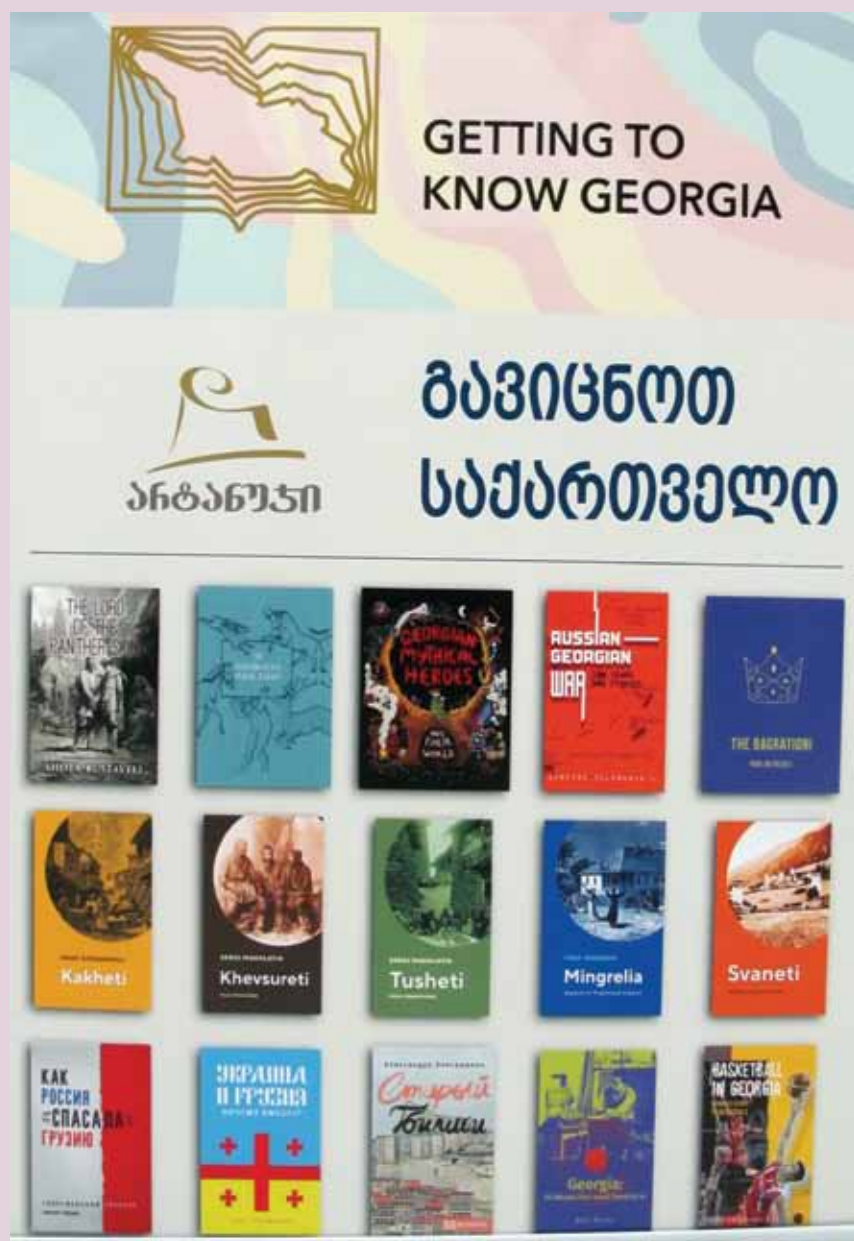
для нас, живущих в них обеих». – *И все-таки, какова, на ваш взгляд, роль культуры? Особенно – в сложные времена?*

– Не нужно понимать роль культуры и литературы прямолинейно: после прочтения художественного произведения или просмотра театрального спектакля катарсис не остается надолго, преступник не раскается и зло моментально не превратится в добро. Но если хоть кто-то задумается о вечных ценностях и о предназначении человека на земле, уйдет из театра просветленным, то задача культуры будет выполнена. Поэтому остается надеяться, что есть свет в конце туннеля, и что великая русская культура будет понята в соответствии с ее глубиной и неисчерпаемостью.

– *Вы сохраняете связь с Тбилиси?*

– Конечно. Культурный код, заложенный семьей и родным городом, помогает преодолевать сомнения и верить в победу добра над злом. Тбилисцы не бывают бывшими. Живя уже много лет в Германии, я не теряю

связь с друзьями, неоднократно участвовала в Международных конференциях, проводимых Институтом грузинской литературы, печатаюсь в альманахе «На холмах Грузии», издаваемом под эгидой литературного общества «Арион». В 2019 году я была в Тбилиси по очень важному и дорогому для меня поводу: в ТГУ состоялся Международный симпозиум, посвященный 100-летию юбилею моего любимого дяди, брата моей мамы, выдающегося ученого-неврофизиолога Александра Ильича Ройтбака. Встреча с двоюродными сестрами, с друзьями и коллегами, общие воспоминания и радость общения стали огромным эмоциональным переживанием, снова окунувшим меня в атмосферу города, в котором я родилась и выросла, с которым связана культурными, духовными и родственными отношениями. Перефразируя великого поэта, которого никто и ничто не может отменить: «Все те же мы, нам целый мир чужбина, Отечество нам – благословенная Грузия».

«ЗНАКОМСТВО С ГРУЗИЕЙ»

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Не так давно в конференц-зале гостиницы «Stamba» собрались представители различных профессий, связанных с литературой и историей – писатели, ученые, журналисты, переводчики, редакторы, фотографы. Они пришли на презентацию серии книг под названием «Знакомство с Грузией», выпущенных отечественным издательством «Artanuji». На длинных столах – красочно оформленные книги и фотоальбомы, а гости раскупали понравившиеся издания, как горячие булочки.

Основатель издательства «Artanuji», историк, профессор Буба Кудава отметил, что целью выпуска этой серии является ознакомление туристов и заинтересованного иноязычного читателя с культурой, литературой, фольклором, историческими памятниками, регионами Грузии: «Многие из нас часто сталкиваются с такой проблемой: когда иностранцы спрашивают о том, в какой книге можно прочесть ту или иную информацию о Грузии, мы вдруг обнаруживаем – не то, что на иностранном языке, но и на грузинском нет нужной книги. Например, у нас нет литературы об истории отдельных взятых городов страны». Чтобы восполнить этот пробел, издательство уже выпустило около сорока книг различной тематики на английском и русском языках.

Примечательно, что «Artanuji» не первый год выпускает подобные издания, но идея объединить их в одну серию появилась совсем недавно, в период пандемии. По словам Б. Кудава, иностранных читателей, для которых предназначена эта серия, можно разделить на две категории. Это – люди, приезжающие в Грузию в туристических или деловых целях, и желающие более глубоко ознакомиться с культурным наследием страны. А еще – иностранцы, живущие в Грузии длительное время, некоторые из которых даже решают остаться здесь навсегда. «Зачастую я замечаю, что их желание поближе узнать Грузию – сильнее нашего, – говорит Буба Кудава. – Они лучше осведомлены в тех или иных вопросах, посетили больше достопримечательностей. На популярных туристических объектах то и дело обнаруживаешь, что приезжих гораздо больше, чем коренного населения». По его словам, эта серия также необходима грузинским эмигрантам и их потомкам, которые, к сожалению, уже не владеют родным языком – для того, чтобы они получали многостороннюю информацию о Грузии.

По словам директора Государственного музея литературы имени Георгия Леонидзе, историка и литературоведа Лаши Бакрадзе, у Грузии долгое вре-

Буба Кудавя

мя не было возможности самой представлять свои интересы за рубежом. Поэтому ее образ формировался стараниями других, вследствие чего сложился определенный стереотип о Грузии, всего лишь как о стране с изысканной кухней. «Ничего против хинкали и аджарского хачапури я не имею, просто Грузия гораздо глубже и многограннее, чем вкусная еда и потрясающе красивые национальные танцы. Книги из серии «Знакомство с Грузией» будут способствовать тому, чтобы за рубежом распространилась верная информация о стране», – подчеркнул Л. Бакрадзе.

Искусствовед, ученый и винодел Николай Вачеишвили отметил, что люди, которые часто путешествуют, видели множество буклетов, призывающих ознакомиться с блюдами или достопримечательностями той или иной страны. Большинство подобных справочников оставляют ощущение, что информация в них получена с помощью поисковых систем интернета – она носит очень поверхностный характер. Наука – это море знаний, но когда требуются какие-то конкретные сведения, оказывается, что нет нужной книги. «Нет такого издания об истории грузинской настенной живописи,

которое можно было бы с удовольствием полистать, то же самое можно сказать о грузинской археологии, архитектуре. Когда думаешь об этом, вспоминаешь книги, написанные известными учеными 50-60 лет назад. Конечно, можно напечатать и репринтные издания, но подавать информацию необходимо все-таки по-новому», – сказал Н. Вачеишвили.

Роин Метревели

Большое место в серии занимают труды известного историка, академика Роина Метревели. В его книге «Багратионы» представлена история древнейшей грузинской царской династии, показан богатейший вклад, который она внесла в развитие экономики, культуры, искусства и науки страны. Книга «Дидгорская битва» написана на основе изучения и сопоставления материалов различных источников, научной литературы и исторических сведений второй половины XI и первой четверти XII веков. В ней максимально достоверно представлен обзор деятельности Давида IV Строителя, рассмотрены вопросы, связанные с Дидгорской битвой. Кроме того, предпринята попытка проследить взаимосвязь между происходившими в тот период в Грузии событиями и мировыми процессами. Два биографических труда Р. Метревели «Царица Тамар» и «Давид Строитель» повествуют о жизни и деятельности выдающихся грузинских царей, период царствования которых вошел в историю Грузии под названием «Золотого века».

Кстати, совсем недавно состоялись очередные выборы главы Национальной Академии наук. По результатам голосования общего собрания членов Академии (61 голос «за» из 67

Презентация серии книг «Знакомство с Грузией»

голосов) президентом Академии избран Роин Метревели. Поздравляем выдающегося ученого и общественного деятеля Грузии и желаем ему успехов на новом поприще!

Столице Грузии посвящены две книги политика и журналиста Александрэ Элисашвили. Он в течение многих лет активно изучал многовековую историю Тбилиси, кропотливо собирал сведения о жизни людей различных профессий и сословий, в разные эпохи населявших город. Затем несколько лет руководил организацией «Тифлисский амкари», которая заботилась о защите исторических строений Тбилиси. Его книга «Тбилиси (История Старого города)» предлагает увлекательный рассказ об одном из древнейших городов мира, который много раз подвергался разрушениям, но, подобно фениксу, всегда восставал из руин. «В данной книге вы сможете ознакомиться не только с политическими зловключениями Тбилиси, историями его разрушений и возрождений, но также узнать о том, как развивалась инфраструктура, транспорт, архитектура столицы», – отметил А. Элисашвили. Вторая книга – «Старый Тбилиси. 50 историй» содержит короткие рассказы об известных людях, жизнь которых была связана с тем или иным домом. «Мне нравится, проходя мимо того или иного дома, вспоминать какой-нибудь связанный с ним случай. В такое время мне кажется, что он до-

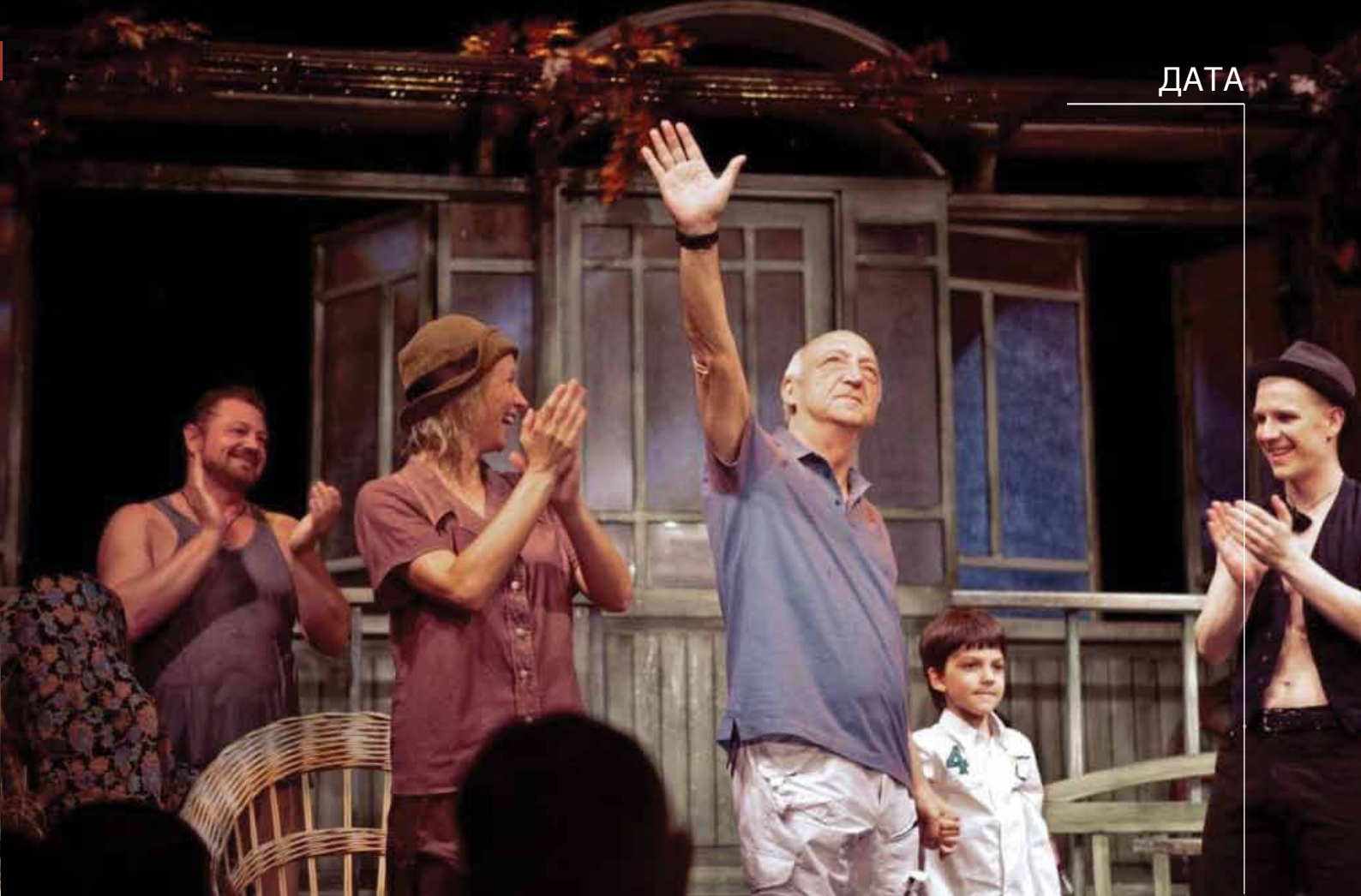
верил мне свои секреты, и я то улыбаюсь ему, то сочувствую, то покачиваю головой в знак сожаления, то успокаиваю его. В этой книге я собрал 50 историй о Тбилиси. Это истории зданий, улиц, площадей, а в целом – города и народа», – отметил А. Элисашвили в предисловии к изданию.

В великолепно изданной книге «Грузинская культура виноделия» известного эксперта по вопросам истории и этнографии виноградарства и виноделия Грузии Георгия Барисашвили речь идет о грузинском традиционном способе производства вина в квеври, практически без изменений дошедшего до нас с древнейших времен. В книге рассказано об особенностях

устройства погребов и видах посуды для хранения вина в разных уголках Грузии.

Оригинальностью отличается оформление книги «Жизнь в советской Грузии»: на красном фоне – рисунок, в точности повторяющий дизайн консервной банки, в которой продавался дефицитный и потому вожделенный для любого советского гражданина продукт – «сгущенка», только вместо привычной надписи «Молоко цельное сгущенное с сахаром» на ней изображен серп и молот. Здесь собраны 70 личных историй 70-ти авторов, большинству которых пришлось определенную часть

жизни прожить в стране под названием СССР. У каждого человека, жившего в ту эпоху, были свой опыт, свои горести и радости. Издание представляет особый интерес для аудитории, которая знает об этом государстве лишь из учебников истории. Изначально книга была издана на грузинском языке. Однако руководство «Artanuji» приняло решение опубликовать ее русский перевод – «для читателей, с которыми нас связывает общее советское прошлое; а еще для тех, кто интересуется советским миром и его кухней, но смотрит на советскую действительность и ее наследие издали», подчеркнул Буба Кудава.

«Знаете, мою фамилию ни один русский с первой попытки не может произнести правильно. Тем не менее, я не стал ее менять и не взял псевдоним – это было бы оскорбительно по отношению к моим предкам. Меня поддерживало чувство безумной любви к Грузии. А еще – огромное уважение к русскому народу. Важно, чтобы в Грузии, понимали, что грузины, которые когда-то уехали отсюда, – артисты, певцы, ученые, врачи – всегда остаются патриотами. Это у нас в крови. Мы все, том числе и я, ваш покорный слуга, с чувством великой ответственности понимаем, что должны быть в дружеских отношениях со всеми странами. Без дружбы, без взаимного прощения нет будущего. Надо ценить красоту, талант друг друга. И тогда Бог нам улыбнется».

Из интервью О. Джангшерашвили журналу «Русский клуб». 2013 г.

Отар Джангшерашвили (1943-2018), театральный режиссер и педагог, ученик Михаила Туманишвили и Дмитрия Алексидзе, народный артист России, кавалер ордена Почета, ордена Чести, лауреат Государственной премии им. Ф.Волкова,

премии им. К. Станиславского, создатель, художественный руководитель, главный режиссер и директор Волгоградского Нового Экспериментального театра НЭТ с 1988 по 2018 гг.

Дахран

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

■ **Андрей МАРУДЕНКО**

Продолжение

О ВОСТОЧНОМ МИРЕ

– *Ваша жизнь включает в себя самых неожиданных персонажей. Например, Усаму бен Ладена. Думаю, вы один из немногих русских людей, кто имел с ним дела.*

– Да, я с Усамой работал. Мы столкнулись с ним в Саудовской Аравии. Я работал ростовщиком в банке в США, а он был самым большим «сарафином» – менялой денег в Дахране. В 1960-70-х годах некоторые такие менялы были мощнее местных банков в таких странах Ближнего Востока, как Кувейт или Саудовская Аравия. Если вам надо было перевести значительное количество долларов в тот же день, то единственным менялой, который мог это осуществить в городе Дахран, был Усама. Вначале он работал с отцом в их обменной конторе в Джедде. Но потом разошелся с семьей и открыл свое дело на восточном побережье в Дахране. А вы знаете, что семья бен Ладенов из потомков древних евреев?

После того, как Моисей с иудеями пересек Красное море, чтобы бежать из Египта, одно из племен Авраама отделилось от Моисея и пошло прямо на юго-восток, вдоль Красного моря, до побережья Аденского пролива. Это побережье называется Хадрамаут. Они там осели. Во время войны Северного Йемена, которому помогал Египет, против Южного Йемена, занимающего Хадрамаут султаната Лахдж, султан Южного Йемена потерпел поражение. Это и следовало ожидать, ибо коалицией египетских и северо-йеменских войск издавала командовал последний маршал Советского Союза Петров. Часть более предприимчивого населения Южного Йемена эмигрировала в Саудовскую Аравию, и большинство людей поселилось в городе Джедда. В 1960-х годах одна из пяти ведущих семей в Джедде была персидского происхождения, одна – выходцы из бывшего королевства Хиджаз, управляемого до 1925 года хашимитской династией и аннексированного домом Аль-Сауд, а три остальные – выходцы из Южного Йемена. Король Ибн-Сауд признавал их красные па-

спорта султана Южного Йемена и давал им возможность работать.

– *Чем они занимались?*

– Начинали, как многие, менялами, ибо Джедда – это порт около Мекки, куда направлялись правоверные со всего мира. Всем паломникам нужно было менять деньги, а также, когда деньги кончались, нужен был посредник, кому продать личное имущество. Отец Усамы основал самую успешную строительную фирму на Ближнем Востоке, которая процветает и по сей день. Отец не ладил с Усамой, ибо, как говорят, Усама сильно переживал социальное неравенство в стране, где тысячи родственников Ибн-Сауда делят нефтяные доходы страны и раздают только мелочь своим подданным. Как я уже говорил, Усаме пришлось уехать из Джедды, с Западного побережья, в Дахран – на восточном побережье Саудовской Аравии, которое напротив Ирана и преимущественно заселено шиитами. Здесь он утвердил себя как удачный и процветающий меняла денег.

– *Какое он производил впечатление?*

– Усама был уважаемым человеком. В финансовых кругах вам скажут, что он – один из самых исполнительных людей, на него можно было положиться. Никакая разведка не смогла вникнуть в его финансовые дела. Во всех этих странах деньги пересылаются менялами не в обычном порядке, а через знакомых, родных, используя засекреченные инструкции.

– *Вы не боялись иметь с ним дела?*

– Никак нет. Саудовская Аравия – это теократическая диктатура. За каждым иностранцем там слежка. Наподобие СССР в 1930-х годах. Поэтому «топтуны» следят, но и охраняют.

– *Какое место в вашей душе занимает восточный мир, что он значит для вас?*

– Мир исламского Востока находится в наступательном развитии и процветании. Меня этот мир интересовал как объект древнейшей культуры. А также и профессионально. Будучи банкиром, я наблюдал, как исламские страны на Ближнем Вос-

токе оказались большим очагом неиспользованных долларов. Всем банкам нужны «лишние» вклады, чтобы их затем давать напрокат и зарабатывать на ставках. Это случилось после того, как Иран инициировал повышение цен на нефть. В 1974 году шах Мохаммед Пехлеви увеличил цену на нефть в четыре раза. Президент Никсон и госсекретарь Киссинджер не предприняли никаких усилий удержать Саудовскую Аравию, чтобы она не последовала шагу Ирана. Поэтому цены на нефть продолжали расти. Производители нефти относительно отсталых и бедных стран Ближнего Востока начали чрезмерно богаче с этой поры.

– В банке вы занимались восточным направлением?

– Да, среди моих обязанностей было руководство отделом Ближнего Востока. От Марокко на севере Африки до Пакистана. К сожалению, я не говорю по-арабски в отличие от Петра Петровича Шереметева. Знание арабского позволило графу Шереметеву заработать тогда свои первые большие деньги в Саудовской Аравии. То, что с ним случилось, очень интересно.

– Он рассказывал мне эту историю. Он был на переговорах в Саудовской Аравии относительно большого контракта на строительство жилья. Его визави переговаривались между собой по-арабски, не желая давать ему этот заказ. Он прервал их разговор и обратился к шейху, сказав ему, что говорит по-арабски. Шейх был настолько удивлен откровенностью графа, что дал ему контракт на массовое строительство жилых домов.

– Это пример отношения восточного мира. Мне было интересно понять хотя бы часть исламской психологии. Для этого я погрузился в священный Коран. И перелистывал его ежемесячно. Знание Корана дает возможность беседовать с любым мусульманином. Я постарался побывать во всех главных мечетях исламского мира, начиная с хаджа и мечети в городе Кайруан, в Тунисе, до шиитской святыни имама Резы в городе Мешхед в Иране. Туда непре-

воверным вход запрещен. До золотой решетки у гроба имама меня провел знакомый сараф. Мы оба шли в толпе, молвя суру Корана. В Мекку я не посмел сходить. В 1970-х годах таксисты рисковали проводить туда неверующего за 50 долларов. Я знал, что, если меня поймут, мне невозможно будет оправдаться по анатомическим причинам. А выйти из саудовской тюрьмы без наказания почти невозможно, даже при «крыше» местного олигарха. Зато в шиитской мечети 3-го исламского халифа Али, зятя пророка Магомеда, в городе Мазари Шариф доступ был относительно свободен. Есть два гроба халифа Али. Иракцы уверяют, что после убийства Али был погребен в городе Наджаф, в Ираке. А афганцы утверждают, что белый верблюд донес тело Али до Мазари Шарифа, где оно хранится в огромной Синей мечети.

– Какие восточные страны вам наиболее близки?

– Афганистан был для меня наиболее близкой исламской страной. Я там бывал четыре раза в год в 1970-х годах и имел много друзей среди местного населения и членов королевской семьи. Главным магнитом в стране для меня была скульптура Гандара. Я с ней познакомился в музее Guimet – это музей Вос-

тока в Париже – в 1953 году. Надя Жорж-Пико, мать моей первой супруги Нины, обратила мое внимание на эту скульптуру, несмотря на то, что в те годы эта скульптура была не востребована коллекционерами. Она считалась гибридной, ибо это результат производства ремесленников и скульпторов, оставшихся в Афганистане после ухода армии Александра Македонского из Индии. Эти скульпторы, создавая бюсты Будды и других героев буддийской мифологии, строили лица и тела по канонам греческой скульптуры, добавляя местные акценты, такие, как усы или одеяние.

– Если бы вам пришлось жить на Востоке, где бы вы поселились?

– В Тегеране. Это – большой город у подножия горы, где было интересно жить. Светская жизнь была насыщена приездными, теми, кто желал воспользоваться неожиданно разбогатевшей страной. Я люблю иранскую пищу. Как, например, chelo kebab koobideh – шашлык с помидорами и с изумительно вкусным иранским рисом. Даже в те года Иран запрещал вывоз больше одного килограмма этого риса. В магазинах Duty free в аэропорту продавались мешочки риса весом 500 грамм, как лакомые подарки

Музей Гиме в Париже

Chelo kebab koobideh – шашлык с помидорами и рисом

улетающим. Fezandjun – еще одно фирменное блюдо Ирана, которое продолжает быть моим выбором в персидских ресторанах. В 1970-х годах эта страна напоминала Россию 1914 года. Изумительный рост экономики, обогащение элиты при отсутствии значительного улучшения быта у крестьянства. Постепенная изоляция иранского шаха от реальности, которая после заболевания раком возросла и сделала его неэффективным правителем. Он был окружен, как и Брежнев, людьми, которые ему говорили то, что, как они считали, ему будет приятно слышать.

– С кем вы общались в Иране?

– У нас было много друзей в Тегеране среди коллекционеров ковров, таких, как Парвиз Танаволи, и коллекционеров портретов каджарского периода, таких, как Фарман Фармаян. Во время наших частых поездок в Иран Нина регулярно присутствовала на вечерах клуба коллекционеров ковров. Его главным локомотивом была Дженни Хаусго, супруга корреспондента Файнэншл таймс. Мои знакомые сарафы – менялы – открыто говорили о своем недовольстве режимом и монархом и ждали его кончины. Несмотря на то, что наш банк очень доходно работал в Иране и иранские депозиты в банке превышали одолжения банком Ирану, я противился открытию представительства банка в Тегеране, предвидя падение шаха.

– То есть падение шахского режима было для вас тогда очевидным?

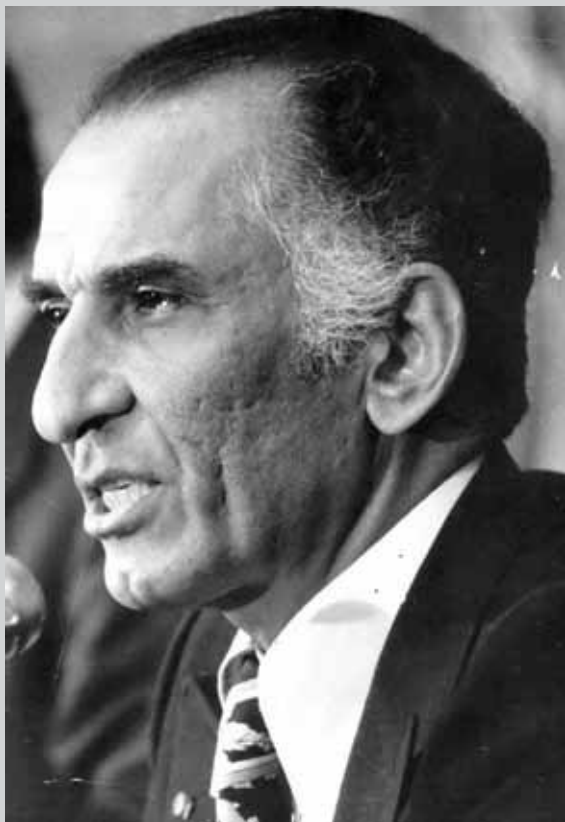
– Да. В 1976 году, будучи в Тегеране с президентом на-

шего банка Диком Кули, мы навестили американского посла Ричарда Хелмса. До этого Хелмс возглавлял ЦРУ. Целью визита было узнать его мнение о состоянии Ирана в контексте значительных кредитов, предоставленных банком частному сектору, иногда с гарантией от религиозных исламских фондов. Хелмс, не стесняясь, говорил о его бессилии уведомить президента и администрацию США о губительной ситуации в стране. Его шифровки в Вашингтоне игнорировали. Практически связь между США и Ираном велась посредством военных ведомств обеих стран. По аналогии отношений СССР и Италии в 1960-1970-х годах. Тогда все значимые экономические дела велись через итальянскую компартию. Итальянские послы – Пьеро Винчи, друг моего отца по Софии, а за ним и Фердинандо Салео, с которым до этого мы дружили в Нью-Йорке, жаловались на то, что им нечего делать в Москве. Каждый из них делился своим желанием как можно быстрее закончить назначение в Москве, ибо они теряли профессиональное время, будучи в роли протокольных пешек. Пагубное решение Никсона, который, как и шах, верил в мощь иранской армии и крепкую хватку разведки САВАК. Они полагали это достаточным для того, чтобы предотвратить любой переворот, но представления оказались необоснованными. После визита к послу США нас пригласил на обед в своем кабинете премьер Амузегар. Я заранее его предупредил, что Дик Кули мало ест в обеденное время и пьет только водку. Ничего другого. Мне было неудобно сказать, что я непьющий, и пришлось уплетать первоклассную икру, не запивая.

– Была ли в Иране тех лет коррупция?

– Приведу пример. Мы дружили с премьер-министром Ирана Джамшидом Амузегаром. Он был давний знакомый отца Нины. Говорил он по-французски и по-английски. Однажды Нина обедала одна с ним в ресторане гостиницы Интерконтиненталь, где мы обычно останавливались, будучи в Тегеране. После обеда, в лобби

гостиницы, Марио Дурсо, наш друг по Нью-Йорку, подошел к Нине и предложил ей десять тысяч долларов, если она познакомит его с Амузегаром. По нынешней стоимости – это сто тысяч долларов. Марио работал в частном банке в Нью-Йорке. Доступ к премьеру мог ему открыть доступ к государственным финансовым делам. Конечно, Нина отказалась. Затем он стал замминистра внешней торговли в Италии. Лидером взяточников была Ашраф, старшая сестра шаха. Через нее проходили все крупные контракты, с которых она брала десять процентов. Ее

Джамшид Амузегар

экстравагантный образ жизни был очевиден и подтверждал баснословные расходы.

– Политики в Иране одевались на европейский манер? Можно ли было понять, что перед вами именно восточный политик или бизнесмен?

– Могу отозваться только о двух премьер-министрах Ирана, с которыми я был знаком. Это Амир Аббас Ховейда и Джамшид Амузегар. Оба учились за рубежом. Оба говорили на многих языках. Одевались элегантно, на европейский манер. Я не был на государственных

Н.Д. Лобанов-Ростовский (справа) и председатель Правления банка Wells Fargo Ричард Кули в г. Исфахане, Иран. 1975 г.

приемах и не видел их в роскошных служебных мундирах с многочисленными орденами. Они могли быть удачливыми политическими деятелями, например, во Франции или США. Ховейда, будучи интеллектуалом и полиглотом, чувствовал себя совершенно уверенно среди интеллектуалов и мировых лидеров. Как и в меньшей степени Амузегар. У меня не было ощущения, что я имею дело с восточными людьми. Владение английским языком без акцента не напоминало об их национальности в разговорах. В Нью-Йорке он останавливался в гостинице Pierre, на углу 61-й улицы и 5-й авеню. Он меня приглашал на обед наедине в гостиницу, зная, что я, как муж дочери его друга, его не подведу, ибо чувствовал себя политически уязвимым.

– *Какие были его позиции внутри Ирана? Он пользовался поддержкой?*

– Амузегар был непопулярным среди масс из-за того, что он старался провести необходимые разумные финансовые реформы, которые сокращали расходы казны. Не был взяточником. Но шах его удалил с целью отвлечь недовольство народа, и Амузегар уехал в США. Это спасло ему жизнь, в отличие от Ховейды, который, несмотря на уговоры близких, не бежал из страны, думая, что суд его помилует. Новые власти отомстили ему за статью, в которой Ховейда характеризовал имама Хомейни в самых отрицатель-

ных тонах.

– *А с кем-то из династии хашимитов, управляющих Иорданией, вы общались?*

– Я хорошо знал младшего брата короля Иордании Хусейна, принца Хасана бин Талал. Он был необычным многогранным человеком. Его дед, Шариф Хуссейн ибн Али, был из рода хашимитов – прямой потомок пророка Магомеда. Он был эмиром Мекки, а затем, в 1916 году, стал королем Хиджаза. Семья эмира охраняла Мекку с 1901 по 1921 год. Как потомок пророка Магомеда (вечная ему память) и будучи престолонаследником до 1999 года, он пользовался доверием и уважением в исламском мире. Нас объединило то, что он учился в школе Harrow, где учился мой отец, а в университете он был в колледже Christ Church в Оксфорде, где я проучился четыре года. Плюс у нас был общий интерес к Ближнему Востоку, для меня – профессиональный, для него – научный. Этот регион был темой его диссертации магистра в Оксфорде. Мы беседовали в том числе о возможных вариантах решения израильско-палестинского вопроса. Хасан был оптимистом. Он отдал много времени и сил на мобилизацию лидеров множества стран, дабы заручиться их давлением на Израиль, чтобы убедить Израиль согласиться на признание Палестины как независимого государства, и вернуть палестинцам оккупированные Израилем па-

лестинские территории.

– *Вы с ним соглашались?*

– Зная, что еврейское лобби и количество голосов еврейских избирателей во многом решают политику США в делах на Ближнем Востоке, я выражал свое сомнение. Израилю необходимы палестинские земли для того, чтобы селить там растущее население страны. Этому Израиль придает легитимность постоянно, напоминая, что Иудея и Самария территориально входят в понятие Земли обетованной и даны Израилю Господом Богом, как указано в Ветхом Завете. За последние 70 лет, несмотря на ежегодные разные предложения об урегулировании конфликта, вопрос остается нерешенным. И не будет решен, пока США являются военно-доминирующей страной, а Исламский мир не добьется военной мощи, превышающей возможности Израиля.

– *Как известно, последний иранский шах называл себя «царем царей» и организовал самый дорогой в истории праздничный банкет по случаю 2500-летия Ирана. На этот банкет съехало большинство монархов и руководителей государств, кроме английской королевы, которая отправила к «царю царей» дочь Анну и своего супруга Филиппа, герцога Эдинбургского.*

– Да, этот банкет был самым грандиозным банкетом всех времен. Это подтверждает каталог Гиннеса о мировых рекордах. Поводом к такой безграничной экстравагантности была глубокая неадекватность шаха. Да и осязтимое неуважение традиционных монархов Европы к нему. Плюс накопившееся унижение Ирана от наглой эксплуатации нефтяных богатств, главным образом, со стороны Британии и США. Вот почему он хотел всем доказать, кто ныне «шахиншах».

– *Он ведь не потомственный шах?*

– Да, началось это с того момента, как иранский парламент сверг с престола потомственного монарха Ахмада-шаха Каджара в 1925 году и посадил на его место армейского генерала Резу Хана в качестве нового шаха Персии. Его отец был сержантом в русской армии. В

Мохаммед Реза Пехлеви

1935 году Реза переименовал страну в Иран. В 1941 году в результате вторжения советской и британской армии в Иран, шах Реза был свергнут с престола. На место шаха посадили его сына, Мохаммеда Резу. Спустя 12 лет, в 1953 году, совместными усилиями ЦРУ и МИ6 с поста премьер-министра Ирана был свергнут Мосадек за то, что он национализировал нефтяную индустрию. Руководителем свержения на месте был Кермит Рузвельт – внук президента Тедди Рузвельта и старший оперативник ЦРУ. Как и его начальник, Аллен Даллес, брат госсекретаря в администрации Кеннеди, с которым мы были знакомы, Кермит был приятным человеком и интересным собеседником. Мы с ним общались в конце 1950-х и 1960-х годов на острове Нантакет – это час полета на север от Нью-Йорка. Нина была дружна с семьей замдиректора ЦРУ Джейми Эндрюса, у которого она провела годы войны, будучи эвакуированной из Франции в Вашингтон. Эндрюс имел дачу на острове, на берегу океана, где мы ежегодно проводили летние каникулы и уикенды. Рузвельт часто навещал Эндрюса или же мы часто ходили к нему на дачу неподалеку. Меня удивля-

ло несоответствие в моем воображении его благообразного, элегантного, светского облика с деятельностью подпольного террориста в Тегеране. Эти произвольные вмешательства великих держав в судьбу Ирана глубоко морально ранили шаха Мохаммеда и побуждали его свести счеты, показав всем, кто ныне самостоятельно правит Ираном.

– *А что вы сами об этом думаете о празднике шаха – этом пире всех времен?*

– Этот праздник был неразумным жестом честолюбивого и униженного монарха. Никому из его окружения не удалось его переубедить этого не делать. Николаю Подгорному выпала доля представлять СССР на этом банкете, о чем он оставил свои воспоминания.

– *Здесь стоит, наверное, вспомнить о чувстве меры. Например, семье герцога Вестминстерского центр Лондона принадлежит около 900 лет. Чтобы сохранять власть и капитал столь долго, нужно хорошо чувствовать границы, которые нельзя переходить.*

– Чувство меры почти всегда сходит на нет при долгом нахождении у власти, как наследственной, так и власти избранных политиков. Династия Романовых тому пример. Большинство царей умерли неестественной смертью. В Британии

майорат и законодательство трастов помогли сохранять капитал и имущество веками из поколения в поколение. Конечно, отсутствие нашествий из-за рубежа за последние 400 лет способствовало удержанию стабильности. Парламентская система в демократиях и королевствах определяет пределы неподходящего поведения, свергая монарха или премьер-министра.

– *То есть, мы не можем сказать, что чувство меры является качеством, свойственным аристократам?*

– Не думаю, что чувство меры характерно для большинства аристократов. Их качества отражают индивидуальные наклонности любого из них. Независимо от национальности. Зато их поведение отличается от навыков и традиций в данной стране. Сегодня некоторые аристократы-землевладельцы в Испании продолжают вести себя как вассалы. Их поведение, видимо, приемлемо для местных крестьян. В Германии или в Голландии такое поведение сегодня невозможно.

– *Возвращаясь к Афганистану, как вы оцениваете его перспективы?*

– Афганистан – неперспективная, неуправляемая страна. Там постоянно что-то происходит. Она саморазрушается, с европейской точки зрения.

Банкетный зал с 57-метровым столом в форме змеи. 2500-летие Персидской империи

Мечеть Сулеймана Великолепного

Афганистан – не монолитная страна, это конгломерат национальностей, племен и языков. Подобно Египту и Израилю, она не может существовать без ежегодного дарения капитала извне. Но, в отличие от Египта, это искусственная страна, созданная великими державами, как буфер между амбициями России и Англии. При любом режиме внутренние противоречия приведут к разделу страны, наверное, при помощи оружия. Для начала талибы-узбеки и пуштуны разделят страну. Затем Пакистан будет поддерживать дестабилизацию страны. В дальнейшем Китай и Россия вмешаются. Стабильность в Афганистане могла бы дать ей возможность получать транзитные деньги от трубопровода из Туркменистана в Индию, которая является единственным потенциальным массовым потребителем туркменского газа. Это было бы идеально для всех трех стран.

– *Что из восточной культуры вы считаете наибольшим вкладом*

в мировую культуру?

– Тут вы, наверное, имеете в виду два очага: Исламский мир (с 786 по 1258 год), а до него Китай. Мне трудно назвать одно достижение в восточной культуре как наибольший вклад в мировую и западную культуру. В начале второго тысячелетия Европа была настолько отсталой от Исламского мира в областях философии, медицины, литературы, астрономии, математики, физики, да и во всех науках, что любые достижения в них в Исламском мире оказали значительное влияние на европейских ученых. А исламских изобретений было чрезвычайно много, и все они жизненно значимы. Началось ознакомление с исламскими текстами по науке, философии и литературе после завоевания Сицилии в 965 году, а затем и Испании. Тогда появились переводы на латинский язык арабских текстов, а также китайские и персидские тексты с переводами с арабского языка.

– *Что из исламского искусства*

для вас наиболее близко?

– Архитектура исламской мечети для меня – наиболее близкий вид мусульманского искусства. В юности в Софии я ежедневно ходил на тренировки по плаванию, в центральную баню. Она построена поверх источников горячей воды в центре Софии возле мечети «*Vanva Bashi*». Я часто заходил в мечеть и восхищался большим пространством для молящихся. Ибо им нужно место, на котором все вместе они могут стать на колени и поклониться Всевышнему. Плюс множество куполов, освящающих внутренность мечети. Строитель этой мечети, построенной в 1566 году, Мимар Синан, будучи инженером-строителем, а не архитектором, благодаря своему гению стал главным и незаменимым архитектором султана Сулеймана Первого. Много лет спустя мне посчастливилось увидеть его блестящие достижения в Истанбуле, включая мечеть Сулеймана Великолепного.

ОЖИВШЕЕ ПРОШЛОЕ ТБИЛИСИ

■ Екатерина МИНАСЯН

Он приехал в Тбилиси пару лет назад и влюбился в город бесповоротно. В общем-то, дело знакомое. Кто ж, побывав в Тбилиси, остался к нему равнодушным? Правда, время для проявлений пылких чувств выдалось тогда непростое. По планете шагал смертоносный вирус, распугивая людей и пряча их за дверьми и высокими заборами. И только самые отважные выходили на связь с приезжим исследователем городской истории без страха подхватить эту хворь. Но наш герой и не спешил. Медленно, смакуя каждый миг, он бродил по тбилисским улицам. Присматривался к старым домам, пропитывался непередаваемым духом города. И вслушивался в его голос. А голос... Чего только не нашеп-

тывал ему этот голос... О том, как по утрам город разливает солнце по горбатым улочкам. Как наполняет воздух ароматами цветущей акации и липы. И как насылает на тбилисские дворы зычных мацонщиков. Все это вызывало в нашем путешественнике радость сопричастности к таинству. И помогало лучше понять город. Последнее было для него крайне важно. Он ведь приехал в Тбилиси с целью – написать о нем книгу.

История этой книжной серии берет начало с 2011-го – тогда главному редактору журнала «Большой город» Филиппу Дзядко и журналисту Дмитрию Опарину пришла идея писать о малоизвестных домах Москвы. Привлекли в качестве фотографа Антона Акимова. В московских архивах все систематизировано, можно легко отыскать всю нужную информацию. А

потом журнальный формат успешно переключался в книжный. Вышедшая книга начала пользоваться такой популярностью, что стало понятно: нужно продолжать работать в этом направлении. И через несколько лет появилась книга о домах Санкт-Петербурга. «Истории домов Тбилиси, рассказанные их жителями» – третья книга из этой серии. Причем, впервые написанная без соавторов. Автор текста и фотографий – Антон Акимов.

Мы познакомились с Антоном в социальной сети. Переписывались, обсуждали книгу, пока, наконец, не встретились в реальной жизни. Антон приехал в Тбилиси на презентацию собственной книги.

– Скажите, почему вдруг Тбилиси? Выбор кажется немного неожиданным...

– Ну, на самом деле не совсем «вдруг». Вообще, следующим городом при другом ходе событий, была бы, наверное, Одесса. Я много раз бывал там, люблю ее, знаю. Но на одной из презентаций книги о Петербурге стали спрашивать, какой город станет следующим. И кто-то из читателей сказал про Тбилиси. А у меня всегда была связь с этим городом через кинематограф, литературу... С детства помню на книжной полке в моем доме

в Уфе, откуда я родом, поэму Руставели. И я подумал: почему бы нет? Тбилиси всем будет интересен. Я всегда много путешествовал. В Тбилиси бывал, но проездом. Но, одно дело, гулять по городу в качестве туриста, и другое, когда ты собираешься писать о нем книгу. Тебе нужно заглянуть глубже, избавиться от привычной мифологии и стереотипов, навязанных агрессивным маркетингом. Я понимал, что настоящий Тбилиси – другой, и что такой материал нужно делать, только живя в городе. Поэтому в 2021-м мы с семьей собрались и переехали в Тбилиси. И прожили здесь больше года.

– Не каждый решится переезжать в другой город ради написания книги. Задумывались ли вы тогда о миссии будущего издания?

– Безусловно, есть, наверное, какая-то миссия... В какой-то мере это сделано ради привлечения внимания к наследию, к памяти. Книга состоит из рассказов жителей города. И через эти рассказы передается частная, порой повседневная, бытовая жизнь. Люди рассказывают вроде бы о простых вещах, о своем доме, соседях, но именно это оживляет истории. Они сближают с городом, с его прошлым, с его жителями... Сам я родился в Уфе, но с 20 лет живу в Москве. Помню, мы делали

материал об одном из московских исторических домов, который, как нам стало известно, скоро снесут. Но то ли власть передумала его сносить, то ли гражданское общество, которое в те годы активно отстаивало памятники архитектуры, заставило власть передумать. И дом был чудесным образом спасен. Правда, жильцов выселили и открыли там гостиницу, но дом сохранить все же удалось. И это главное. У нас, наверное, просветительская миссия. Относительно Тбилиси, я думал, что книга будет выходить в России на русском языке. И будет рассчитана на того, кто захочет поехать в Грузию. Он возьмет в руки книгу, прочтает и поймет, что Грузия – это не только хинкали и вино, как привыкли думать. Это страна, в которой родились замечательные писатели, художники, поэты, общественные деятели. Книга служит тому, чтобы разрушать стереотипы.

С городами точь-в-точь как с людьми. Где-то на третий день пребывания в них ты понимаешь, твой он или безнадежно чужой. Видимо, действуют те же алгоритмы и биологические датчики, которые улавливают невидимые флюиды. И потом, через энное количество времени, наступает блаженное слияние с душой города. И ты вдруг начинаешь ощущать себя его продолжением.

– Что вы узнали про Тбилиси за время проживания в нем? Какой он, этот город, изнутри?

– Важно, наверное, то, что я за это время стал жителем города, который зашел на огонек в старый дом. Вот это ощущение самое ценное. Иногда я ходил в гости в одну и ту же семью по нескольку раз. Я собирал семейные фотографии, и, бывало, что у хозяев квартиры фотографии лежат далеко, нужно время, чтобы их найти. Или мои собеседники вспоминали какие-то подробности из истории семьи уже после моего визита, и я возвращался записать что-то важное из их воспоминаний. Из таких вот домашних бесед я узнал, что когда кто-то прогуливал школу, то говорили «пошел на шатало». Шатались, наверное, да? Узнал много интересного о таких личностях, как Эквтимэ

Такаишвили, Паоло Яшвили, Иванэ Джавахишвили. Российскому читателю их имена, увы, мало что говорят. А для жителей Грузии – это знаковые фигуры.

Первый дом, в который я пошел, стоит на улице Киачели. Мы гуляли с собаками и познакомилась с Тамуной Ломинадзе, которая тоже выгуливала своего пса. Я узнал, что ее семья живет в этом доме с 30-х годов, и пошел к ним в гости. Я не хотел заходить в другой позиции. Статус гостя как-то уравнивал меня с жителями. Меня, кстати, спросили на одной из презентаций в Москве: кем эти люди были для вас, как вы их воспринимали? Я задумался. И понял, что, по сути, воспринимаю их, как соавторов, потому что книга состоит из их рассказов, а я всего лишь собираю истории. Я сжился с Тбилиси, полюбил его, но не из-за мифов, еды, вина или даже природы. А потому, что узнал людей, потому, что меня принимали в семьях не как Антона, который приехал в Тбилиси на время, а как Антона с Коджорской улицы.

Антон Акимов

– Чем вас удивили тбилисцы?

– Я думаю, многие из них сами были удивлены, что в пандемию кто-то из России приехал в Тбилиси и пишет книгу. Некоторые просили повременить со встречами, пока эпидемия не закончится... Есть одно качество, роднящее тбилисцев с жителями Москвы и Петербурга, – все они переживают за свои дома. За аварийные состояния, отсутствие средств для реставрации и безучастие властей. Кстати, в Тбилиси гораздо больше сохранившихся фамильных домов, чем в России...

Я знаю, что меня здесь впечатлило. То, чего нет в плоском Петербурге и в холмистой Москве – когда дом имеет с одной стороны три этажа, а с другой – пять. Это придает городу неповторимость... А еще меня очень удивила бывшая церковь в Крцаниси, в которой сегодня живет несколько семей. Ее мне показал мой товарищ Никита Иванов. Сам он из Эстонии, но много лет живет в Тбилиси, занимается исследованием храмовой архитектуры, много ездит по Грузии и фотографирует сохранившиеся армянские церкви. Этот бывший храм является, как мне объяснили, спорным – в разное время он был и грузинским, и армянским.

– Я слышу о нем впервые.

– О нем вообще мало кто знает. В тот район, а это рядом с бывшей резиденцией Шеварднадзе, никто случайно не заходит. Нас приняли в бывшем храме, ныне жилом доме, очень

хорошо, устроили застолье. Я подружился с сыном одного из жильцов, он моряк в Потти, и приходил потом в этот дом много раз.

– А бывало, что вы встречали непонимание?

– Большинству не надо долго объяснять, для чего я собираю эти истории. Люди ценят свои родословные, им дороги их дома, и они хотят поделиться тем, что знают, потому что понимают – это сохранится для истории. Но, бывает, кто-то не хочет с тобой говорить. По разным причинам.

– Вы пытались их переубедить?

– Нет. Раз не хотят, значит, так и нужно. Случалось и по-другому: начинаешь общаться с человеком, собираешь сведения, делаешь фотографии... А потом

тебе говорят – больше сюда не звоните. А весь материал уже собран. Такая история у меня была в Питере. И здесь произошло подобное – мы пообщались, а потом мне сказали: у нас напряженные отношения с Россией, и мы не будем в этом участвовать. На самом деле, повторю: если что-то не получилось, значит и не надо, значит будет какой-то другой дом. По итогам, эта книга получилась толще других. В двух предыдущих книгах истории 25 домов, а в тбилисский том вошло на одну историю меньше. Поместить в одну книгу все интересные дома – нереально. У нас и нет такой цели. В Петербурге, например, следом за нами издали такую же книгу, и в нее вошли уже истории других домов. И

это здорово, что мы не повторяемся. И чем больше будет такой литературы, тем лучше.

– *Думали ли вы о том, чтобы бросить здесь якорь?*

– Я чувствую себя здесь очень комфортно, тем более что у меня теперь тут много друзей. Мне нравится, что город не такой огромный. Что можно взять и выехать в Коджори, погулять там с собакой. К красоте Тбилиси добавляется очарование юга. Получается интересная вещь – там, где много денег, старая архитектура быстрее уничтожается, старое сносят, новое строят. А мне облупленные фасады нравятся больше, чем те, которые каждый год красят ужасной краской. А на деле – осваивают деньги.

– *Есть ли у вас любимые дома в Тбилиси?*

– Конечно. Полюбились они благодаря архитектуре домов и жителям, населяющим эти дома. Это дом Анны Мадатовой в самом начале улицы Чонкадзе. Дом на Киачели, 7, где, говорят раньше был роддом – он меня привлек той самой разной

этажностью, о которой я уже упоминал. С фасада это двухэтажный дом, а с другой стороны – все пять этажей. Крцанисский дом-церковь. Дом семьи Котетишвили, которому всего лет 30, семья построила его на том самом месте, где раньше стоял старый фамильный дом, сгоревший дотла. Дом князей Габашвили – помню, как хозяйка дома Нино оставила меня в парадной и сказала: «Снимайте». И я застрял на два часа – такая там красота.

– *О каком городе будете писать в следующий раз?*

– Не знаю... Тбилисская книга вышла, но я пока не освободился от нее. Меня здесь не было год. А сейчас я приехал и понял, что стал частью этого города. Если бы мне пять лет назад сказали, что такое произойдет, я бы точно не поверил. Честно могу сказать, я очень старался, чтобы книга получилась интересной. И по итогам у меня ощущение, будто я обнял город.

– *Не было ли идеи написать художественное произведение? Ведь есть уже стартовая позиция.*

– Может, и напишу про город, в котором родился, Уфу. Есть яркие воспоминания, которыми я бы поделился с удовольствием... Моим сыновьям – 18 и 8 лет. Со старшим мы много путешествовали. В первую поездку отправились, когда ему было 4 года. Ездили каждый год: Украина, Румыния, Венгрия... И везде происходило что-то интересное. Есть идея написать условно детские книги, но они, в общем-то, не совсем детские – диалоги отца с сыном. Вроде бы узкий формат, но почему бы и нет? Я как-то ему сказал: «Никита, мы ездили с тобой на море. Можешь написать воспоминания?» И он написал: «Я раньше никогда не видел моря. И это было в первый раз, когда я приехал на море. И мне было страшно, когда я подходил к морю, потому что я не понимал, где оно кончается. И как оно устроено. Потом, когда я увидел корабль, то понял – где-то там есть горизонт. А потом мы вернулись, и мне часто снилось море...»

Судья всесоюзной категории Малхаз Кобиашвили, арбитр ФИФА Анатолий Мильченко, судья всесоюзной категории Гурам Габескирия

АРБИТР ОТ БОГА

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Имя арбитра ФИФА, лучшего футбольного судьи Грузии XX века Анатолия Мильченко хорошо известно в спортивном мире. С конца 1960-х до 1986 г. он был одним из самых авторитетных арбитров СССР и Европы, 14 раз входил в список 10-ти лучших арбитров СССР. В качестве главного судьи отсудил 376 официальных матчей отборочных турниров чемпионатов Европы и мира, Олимпийских игр, клубных евротурниров, матчей высшей лиги Чемпионата СССР. Его свистку подчинялись такие легендарные игроки, как Беккенбауэр, Мюллер, Круифф, Марадона, Линекер... В 2023 году А.В. Мильченко могло бы исполниться 85 лет.

Он родился 26 марта 1938 г. в Боржоми. Его дед с отцом – оба инженеры-технологи, и мама – воспитательница детсада, в середине 1930-х переехали в Грузию из Украины. Отец Анатолия работал механиком на стекольном заводе в Боржоми, в 1941-м ушел на фронт, был танкистом, погиб в 1943 году.

В юности Анатолий увлекался волейболом и фигурным катанием, выступал в этих видах за юношескую сборную Грузии на Спартакиадах народов СССР, завоевывал призовые места, но любовь к футболу оказалась сильнее. Старшеклассником он играл в боржомской команде «Чанчкери» в чемпионате Грузии, затем был призван в армию и выступал за клуб Тбилисского окружного Дома офицеров, затем – за команду Закавказского военного округа. В начале 1961 г. его пригласили в сухумское «Динамо», и с тех пор Анатолий жил и работал в Сухуми – более тридцати лет, до сентября 1993 г. Почти четыре сезона он отыграл за «Динамо» Сухуми, в 1964-м на чемпионате Грузии выступал за «Шахтер» Ткварчели, но получил травму и – как игрок – оставил футбол. Поступил на технологический факультет Грузинского института субтропического хозяйства.

В 1964-м, волей случая, Мильченко отсудил свой первый матч – с участием ЦСКА, старшим тренером которого был легендарный Всеволод Бобров. «ЦСКА встречался со своим фарм-клубом из Орехово-Зуево, – вспоминал А. Мильченко, – матч должны были обслуживать судьи из Сочи, где проходили всесоюзные судейские сборы, но почему-то не приехали. Местные арбитры отказались судить, наверное, не хотели брать на себя такую ответственность. И тогда председатель Абхазского совета Грузинского республиканского общества «Динамо» Михаил Туркия, зная, что я не раз судил товарищеские матчи детских и юношеских команд, обратился ко мне. Разумеется, я отказывался, говорил, что не готов судить такие матчи. Но – уговорили. После игры ко мне подошел Бобров и сказал: «Молодой человек, я благодарю вас за отличное судейство».

После матча АЕК (Афины, Греция) – Футбол Клубе ду Порту (Португалия). Кубок чемпионов. 1978

А через неделю раздался звонок из Тбилиси. Анатолию звонил Давид Цомая из Федерации футбола Грузии: «Толик, Бобров так тебя хвалил, что мы решили вызвать тебя в Тбилиси и поручить судить несколько матчей чемпионата Грузии, а там видно будет». Так Мильченко начал судить матчи грузинского чемпионата, а с 1965-го, окончив Всесоюзные судейские курсы в Сочи и пройдя аттестацию, – и чемпионата СССР. Получил звание судьи в сесоюзной категории. Вскоре Мильченко отсудил свой первый матч за границей в качестве бокового арбитра – это была товарищеская встреча сборных ГДР и ЧССР. Через три года – первый международный матч в качестве главного судьи, «Карл Цейс» Иена – «Спарта» Прага. К концу 1970-х начал судить отборочные матчи чемпионатов Европы и мира. «В 1979 году я был арбитром на матчах Чемпионата мира среди молодежи в Японии, – рассказывал арбитр. – Там блестяще сыграл 18-летний Марадона. Я отсудил матч открытия Мексика-Алжир, обслужил ряд других важных встреч и получил право судить финал этого чемпионата. Но так как сборная СССР вместе со сборной Аргентины вышла в финал мирового первенства, я как

арбитр из СССР не мог судить финальную встречу с участием нашей сборной, и потому мне пришлось обслуживать матч за третье место между сборными Польши и Уругвая».

В 1979 г. решением ФИФА Анатолию Мильченко было присвоено звание «Судья международной категории – арбитр ФИФА». В октябре 1985 г. Мильченко судил отборочный матч Чемпионата мира Англия – Турция на стадионе «Уэмбли», а это – мечта любого арбитра. До него из советских арбитров на «Уэмбли» судил только Тофик Бахрамов в 1966 году (знаменитый финал ЧМ Англия – ФРГ).

В 1986 г. А. Мильченко судейство прекратил. Но спустя четыре года вернулся в футбол, вместе с сыном Зурабом, арбитром республиканской категории, судил матчи независимого чемпионата Грузии – в виде особого исключения, ведь ему было уже за 50. Затем несколько лет проработал в Посольстве Грузии в Украине, в Киеве. Между прочим, Анатолию Васильевичу предложили стать комиссаром игр Чемпионата Украины, но, в соответствии с правилами, комиссаром может быть только гражданин Украины, а Мильченко свое грузинское гражданство менять не собирался.

В 1999-м, по приглашению президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе и Федерации футбола Грузии он переехал в Тбилиси, руководил судейской коллегией ФФГ. В 2000 г. Анатолий Мильченко был признан «Лучшим арбитром Грузии XX века». Скончался в декабре 2011 г. в Тбилиси.

Наше личное знакомство состоялось в 1985 году в Сухуми. Поводом стал ответный матч 1/16 Кубка УЕФА между одесским «Черноморцем» и мадридским «Реалом». Первый матч в Мадриде со счетом 2:1 с трудом выиграл «Реал», десисты имели шансы на реванш, тем более, за несколько недель до этого «Черноморец» в 1/32 сенсационно победил знаменитый «Вердер» из ФРГ.

И я решил поехать в Одессу вместе с группой старшеклассников сухумской школы №10, где работал учителем истории. Вопросы авиабилетов и проживания нашей группы из 30 человек были решены с помощью дирекции школы и при поддержке родителей нескольких школьников. А вот ситуация с билетами на матч оставалась не совсем ясной. Да, были обещания от разных лиц и ведомств зарезервировать билеты для нашей группы, но...

Анатолий Мильченко

Я решил подстраховаться. И позвонил Анатолию Васильевичу в тургостиницу «Сухуми», директором которой он был в 1974-1993 гг. Представившись, получил лаконичный ответ: «Тенгиз, знаю вас заочно, читаю ваши статьи, но я – действующий арбитр, и интервью никому не даю». Я признался, что звоню не для интервью, а «по другому вопросу». «Приходите через час в гостиницу», – доброжелательно сказал Мильченко. Ровно через час я вошел в его кабинет и попросил помочь с билетами на матч в Одессе, добавив: «Анатолий Васильевич, вы знаменитый арбитр, вас все знают и уважают, тем более в Украине, откуда родом ваши родители». Он засмеялся: «Мне уже говорили, что группа школьников с преподавателем собираются на игру. Но хочу спросить – кто вам посоветовал прийти ко мне с такой просьбой?». Пришлось чистосердечно ответить: «Гурам Николаевич Габескирия, с которым вы много лет судите матчи чемпионата СССР, сказал, что Анатолию Мильченко не откажут». «Ох, Гурам, Гурам, – вздохнул Мильченко, – любишь ты сюрпризы... Ладно, я и так собирался помочь вашей группе, но прошу нигде об этом не упоминать, а то потом все будут приходить ко мне за билетами на игры в Тбилиси, Киеве, Москве. Сколько билетов вам

нужно?». Услышав «тридцать», усмеялся: «Слава богу, что не сто». Тут же при мне позвонил в дирекцию одесского стадиона. Ему ответили: «Билеты дадим, но пусть учитель привезет чачу и сухумские мандарины».

Приехав в Одессу, мы разместились в скромной гостинице, и я с одним из членов нашей группы отправился на стадион. Слова «мы из Сухуми от Мильченко» прозвучали, как пароль, – нас сразу же пропустили в дирекцию и вручили билеты, а я передал подарок для администрации: несколько бутылок чачи и около десяти килограммов мандаринов. Но когда я достал деньги, чтобы заплатить за билеты, мой визави суровым

ла за «Черноморец», в том числе, и автор этих строк, который к «Реалу» испытывал личную неприязнь с сентября 1981 года, когда в матче «Реал» – «Динамо» Тбилиси в Мадриде защитник испанцев Анхел открытым ударом нанес серьезную травму ювелирно игравшему Давиду Кипиани. В Одессе Анхел не играл, но мой разум и сердце не могли смириться с тем, что игрок «Реала» покалечил Кипиани...

Игра в Одессе завершилась вничью – 0:0. «Черноморец» мог забить, но увы... В 1/8 Кубка вышел «Реал», который впоследствии и стал обладателем этого трофея.

Когда мы вернулись в Су-

голосом Левитана произнес: «Молодой человек, эти билеты не подлежат продаже, это наш подарок вашей группе». После чего сообщил еще одну новость: всей группе разрешили побывать на тренировке «Реала». А за «Реал» тогда играли Уго Санчес, Бутрагеньо, Вальдано, Камачо, Сантьяна, Гальего... В Одессе наша группа боле-

хуმი, я встретился с Анатолием Васильевичем, еще раз поблагодарил его, передал футбольные сувениры из Одессы. Впоследствии мы много раз виделись в Сухуми, а после 1993 года – и в Киеве, и в Тбилиси. Но все наши встречи начинались с его вопроса: «Тенго, как там, в Одессе?»...

■ Соб. инф.

Свыше 130 лет у бюста А.С. Пушкина в Тбилиси собираются представители творческой интеллигенции, чтобы почтить память великого русского поэта.

10 февраля и 6 июня – день памяти и день рождения Пушкина – для каждого почитателя русской поэзии – не простые даты.

Последние тридцать три года среди участников – представители Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион» (руководитель – Михаил Айдинов).

В нынешнем году день рождения Александра Сергеевича был отмечен чуть иначе, чем обычно. Вместо традиционного конкурса «Как сохранить язык Пушкина на земле Руставели» впервые были подведены итоги поэтического конкурса «Пегас-2023», приуроченного ко Всемирному дню русского языка.

Дипломантами стали Юлия Ключникова, Тамара Константиновская, Георгий Миклашевский и Марина Киракосян-Мосесова, лауреатами – Наталья Селезнева, Михаил Пайкин и Михаил Ананов, а тройка призеров – Ирена Кескюль, Анна

Григ и Влада Витязева, получили медали «Лучший поэт».

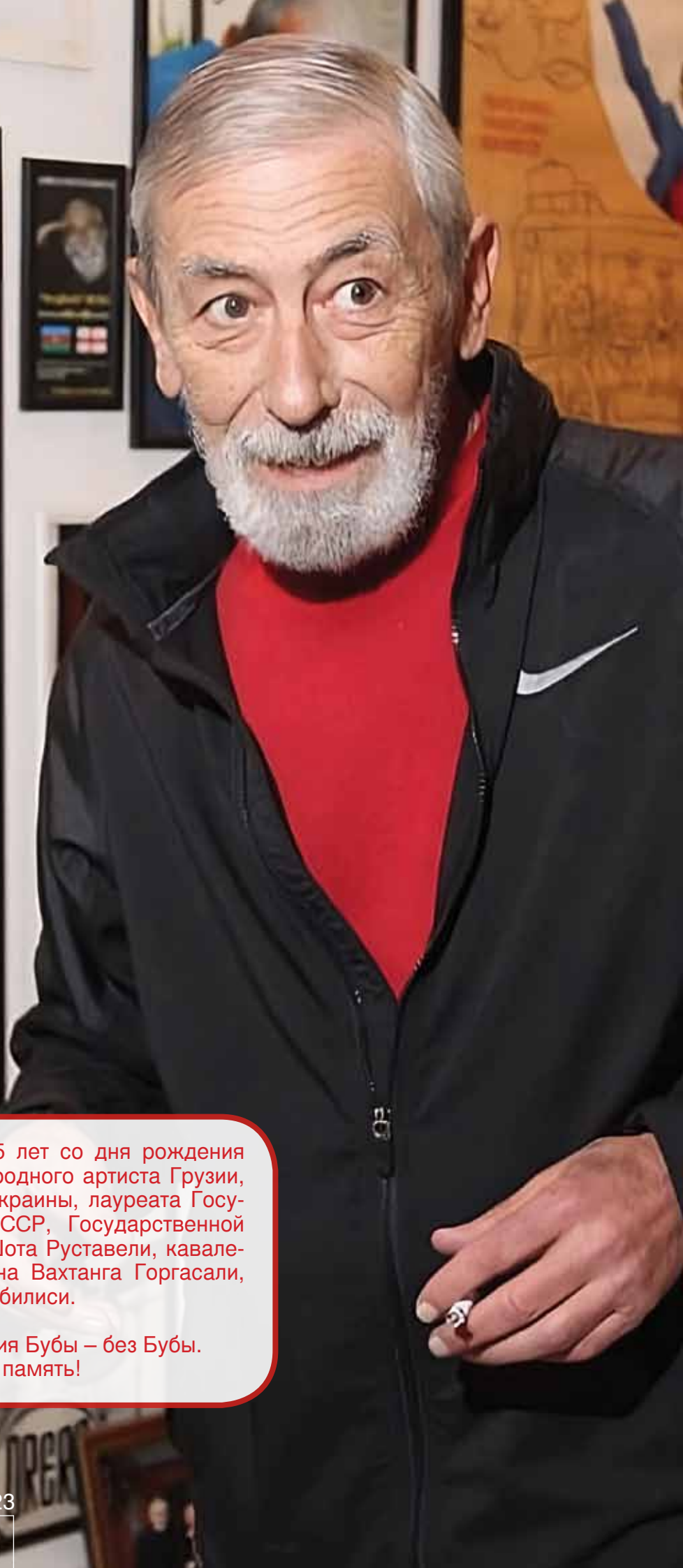
На празднике поэзии звучали переводы стихотворений «солнца русской поэзии» на грузинский, армянский, азербайджанский, иврит, белорусский, украинский, осетинский, шведский, немецкий, польский, испанский, английский языки, бессмертные пушкинские строки на языке оригинала, посвящения ему тбилисских авторов.

Сменяли друг друга «арионовцы», сотрудники Союза «Русский клуб», члены Совета лидеров этнических меньшинств при Общегражданском движении «Многонациональная Грузия», Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии, педагоги-русисты...

– «Арион» активно продолжает свою деятельность, – рассказал Михаил Айдинов. – Прошли творческие вечера поэтов Михаила Ананова и Георгия Миклашевского, готовится очередной номер литературного альманаха «На холмах Грузии», насчитывающий 15-летнюю историю театр «Арион» репетирует пьесу Инги Гаручава и Петра Хотяновского «Жанна и Костер». При нашем содействии пройдут спектакли по пьесам популярных русско-

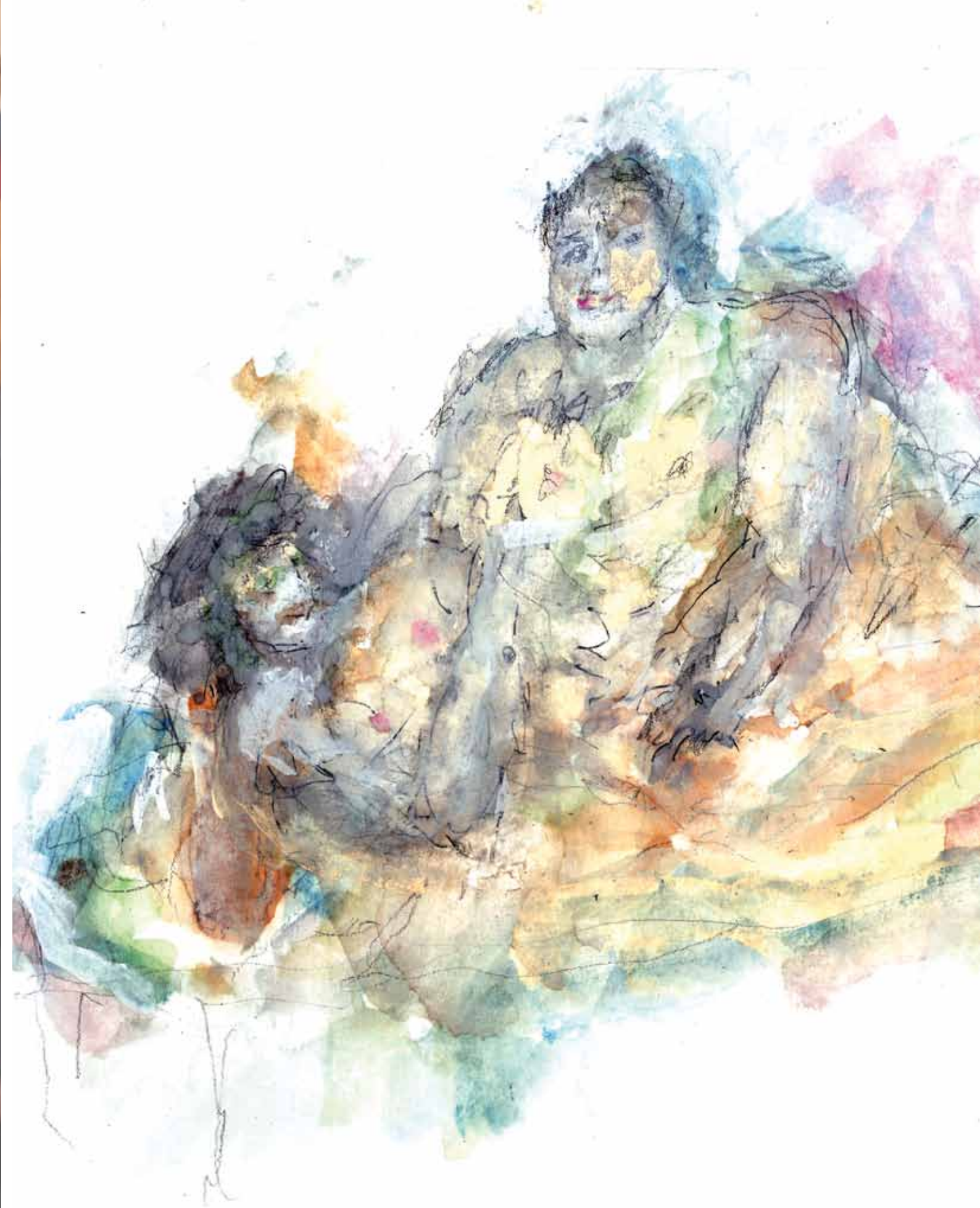

язычных авторов из Германии и с Кипра Виталия Сертакова и Михаила Пайкина. А в сентябре, во время презентации 38-го номера альманаха, состоится подведение итогов конкурса, приуроченного к 200-летию со дня рождения драматурга Александра Островского.

19 июля исполняется 85 лет со дня рождения Вахтанга Кикабидзе, народного артиста Грузии, заслуженного артиста Украины, лауреата Государственной премии СССР, Государственной премии Грузии имени Шота Руставели, кавалера ордена Чести, ордена Вахтанга Горгасали, Почетного гражданина Тбилиси.

Первый день рождения Бубы – без Бубы.
Светлая благодарная память!

РОБЕРТ СТУРУА. Похищение Европы

Национальный драматический театр им. Шота Руставели.
Здание в стиле позднего барокко построено в 1898-1901 гг.
предпринимателем и меценатом И. Питоевым по проекту
архитекторов К. Татищева и А. Шимкевича.